

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

по теме:
НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ МНОГОСТОРОННЕЙ
ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ И ПОЗИЦИИ РОССИИ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Авторы: Пахомов А.А. (руководитель)
Багдасарян К.М.

Москва 2020

АННОТАЦИЯ

В данном исследовании рассматриваются основные проблемы функционирования многосторонней торговой системы (МТС) на современном этапе. Это вызвано комплексом причин - изменением баланса сил и интересов мировых держав в последнее десятилетие, торговыми конфликтами и санкциями, системными проблемами деятельности ВТО, регионализацией мировой экономики и появлением интеграционных мега-блоков. Данные проблемы усугубились под влиянием пандемии и последующего мирового кризиса.

Анализируется состояние, перспективы и риски торгово-экономических отношений Российской Федерации с различными группами государств ближнего и дальнего зарубежья, а также группировками мира в новых условиях.

Дается авторская оценка существующих проблем и направлений реформирования МТС, что требует взаимодействия всех заинтересованных сторон. Изучаются возможности и ограничения эффективного участия России в этих процессах.

SUMMARY

This study examines the main problems of the functioning of the multilateral trading system (MTS) at the present stage. This is caused by a complex of reasons - the changing balance of power and interests of world powers in the last decade, trade conflicts and sanctions, systemic problems of the WTO, the regionalization of the world economy and the emergence of integration mega-blocks. These problems were exacerbated by the pandemic and the subsequent global crisis.

The article analyzes the prospects, and risks of trade and economic relations between the Russian Federation and various groups of countries near and far abroad, as well as groups of the world in the new conditions.

The authors give an assessment of the existing problems and directions of MTS reform, which requires the interaction of all interested parties. The possibilities and limitations of Russia's effective participation in these processes are being studied.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Пахомов Александр Александрович – руководитель НИР,
ведущий научный сотрудник Лаборатории макроэкономических исследований
Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, д.э.н.
manis-07@mail.ru, pakhomov-aa@ranepa.ru,

Багдасарян Княз Мнацаканович – научный сотрудник Лаборатории макроэкономических
исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС
bagdasaryan-km@ranepa.ru; bagdasaryan@iep.ru,

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. Ключевые проблемы многосторонней торговой системы на современном этапе	9
1.1 Основные причины и факторы нестабильности развития глобальной торговли	9
1.2. Главные направления реформирования МТС и позиция России	15
2. Роль государств постсоветского пространства в торговой политике Российской Федерации	19
2.1 Необходимость консолидации позиций России со странами ближнего зарубежья в МТС	19
2.2 Выработка совместных подходов по международной повестке в рамках ЕАЭС и СНГ	24
3. Основные тенденции развития торгово-экономического сотрудничества России со странами Азии	29
3.1 Предварительные итоги «поворота на Восток» и новые партнеры России	29
3.2 Азиатский вектор интеграционной повестки ЕАЭС	32
4. Возможности и риски развития российско-британских торгово-экономических отношений после Брекзита	37
4.1 Предпосылки и состояние двусторонних экономических связей	37
4.2 Перспективы и ограничения развития российско-британских торгово-экономических связей	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	49

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе глобальная торговля товарами и услугами по-прежнему является одним из главных драйверов развития мировой экономики. Многосторонняя торговая система (МТС) под эгидой ВТО обеспечивает международную правовую и регуляторную базу для действий государств в сфере глобальной торговли.

Однако в текущем десятилетии традиционные основы МТС, которая стала фактически универсальной после присоединения России к ВТО в 2012 г., постепенно размываются под воздействием ряда факторов. Среди них – регионализация и появление интеграционных мегаблоков, торговые конфликты и волна взаимных санкций, а также кризис деятельности ВТО как таковой. Развитие технологий и инноваций привело к формированию глобальных цепочек добавленной стоимости нового типа и расширению нематериальных форм торговли. Дополнительные дисбалансы в международный товарооборот внесло массовое применение торгово-политических санкций и ограничений.

Новые тенденции, которые только проявились в 2020 г. – пандемия коронавируса и связанный с ней развивающийся мировой экономический кризис – повышают необходимость и значимость анализа функционирования многосторонней системы и направлений ее реформирования в обозримой перспективе.

В этой связи, ведущие торговые державы мира и международные организации обсуждают пути урегулирования нового блока проблем, готовят конкретные предложения по реформированию МТС с учетом тенденций развития глобальной экономики на перспективу, а также в целях сохранения таких основополагающих принципов ВТО, как не дискриминация и безусловный режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Несмотря на санкционное давление и применение ответных ограничительных мер, экономика и внешняя торговля Российской Федерации, в целом не снизили уровень своей взаимозависимости от мировых рынков как крупнейший экспортер энергосырьевых ресурсов и импортер широкой номенклатуры продукции, а в ряде случаев ее интеграция в мировую экономику даже повысилась. В этой связи, учитывая ориентированность многих крупных секторов отечественной экономики на внешние рынки, требуется разработка обоснованной позиции страны в сфере реформирования МТС и новых правил мировой торговли.

В данном контексте стратегической задачей России является учет долгосрочных национальных интересов при проведении реформ международных экономических отношений. Речь идет об определении приоритетов развития внешнеэкономического комплекса страны, расширении применения новых форм внешнеэкономической деятельности, активизации участия в ВТО и пр. В противном случае пассивная позиция в

данном вопросе может поставить под угрозу поступательное развитие отечественной экономики, ее положение в глобальной экономике.

Принимая во внимание значимость для развития внешнеэкономического комплекса России полноправного участия в многосторонней торговой системе, проблема вовлеченности и адаптации страны в ходе реформирования МТС является актуальной, обладает новизной и практической значимостью.

Цель исследования: выявление основных направлений реформирования многосторонней торговой системы и выработка позиции России в этом процессе на основе совершенствования внешнеэкономической политики страны и инструментов ее реализации.

Ключевые предполагаемые научные результаты данной работы заключаются в комплексном теоретическом анализе факторов и направлений эволюции многосторонней торговой системы под эгидой ВТО с целью определения возможностей участия России в этом процессе.

Прикладные результаты исследования включают подготовку предложений по совершенствованию внешнеэкономической политики страны с учетом целей ее национального развития на среднесрочную перспективу. По итогам работы предполагается подготовить практические рекомендации по новым направлениям и инструментам внешнеэкономической деятельности России. Это представляет научную новизну работы, ее актуальность и практическую значимость.

Ключевые фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования:

- анализ теоретических аспектов эволюции традиционной многосторонней торговой системы в XXI веке;
- определение фундаментальных причин и конъюнктурных факторов трансформации традиционных норм и правил функционирования многосторонней торговой системы;
- выявление рисков и ограничений участия России в глобальном процессе реформирования многосторонней торговой системы;
- анализ перспектив отношений России с другими группировками мира;
- предложение подходов по совершенствованию внешнеэкономической политики России и инструменты её реализации на перспективу;
- разработка предложений прикладного характера для внешнеэкономической политики страны в условиях реформирования регулирования глобальной торговли товарами и услугами

Основания для включения в Государственное задание:

- Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»;
- Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" (Национальная программа «Международная кооперация и экспорт» (п.14));
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 330, в ред. от 28.03.2019 г.);
- План мероприятий «Трансформация делового климата» (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 января 2019 г. № 20-р);
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328, в ред. от 29.03.2019 г.);
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, в ред. от 28.09.2018 г.);
- Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208);
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года (Минэкономразвития России от 28 ноября 2018 г.);
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г. (Минэкономразвития России от 9 апреля 2019 г.).

Основные предполагаемые фундаментальные научные результаты этого исследования заключаются в критическом анализе и обобщении теоретических и эмпирических подходов, посвященных реформированию многосторонней торговой системы, и влиянию этого процесса на экономику России. Прикладные результаты данной работы включают выработку практических рекомендаций по оптимизации российской внешнеэкономической политики и ее инструментов по данной проблеме.

Научные и прикладные результаты исследования будут содействовать повышению эффективности внешнеэкономической политики Российской Федерации, оптимизации ее внешнеэкономического комплекса, двукратному росту отечественного несырьевого экспорта к 2024 г., повышению уровня конкурентоспособности экономики в целом и вхождению России в число пяти крупнейших экономик мира. Таким образом, основные выводы работы могут способствовать реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт» и достижению поставленных в нем целей.

Результаты данной НИР могут быть использованы в интересах Департамента экономики и финансов Правительства РФ, Департамента международного сотрудничества Правительства РФ, Министерства экономического развития РФ, Министерства иностранных дел РФ, Министерства промышленности и торговли РФ, межправительственных структур (МПК), Комиссии Правительства РФ по экономической интеграции, а также в интересах Академии для развития научного потенциала в целях повышения качества экспертно-аналитической работы и образовательных программ и др.

1. Ключевые проблемы многосторонней торговой системы на современном этапе

1.1 Основные причины и факторы нестабильности развития глобальной торговли

Многосторонняя торговая система на современном этапе представляет собой систему торговых отношений в рамках ВТО между всеми участниками организации, которая регулирует их взаимодействие на основе сбалансированных норм и правил для обеспечения справедливых условий мировой торговли товарами, услугами и результатами интеллектуальной деятельности.

В данном исследовании рассматриваются основные проблемы функционирования многосторонней торговой системы на современном этапе. Эти негативные тенденции вызваны комплексом причин - изменением баланса сил и интересов мировых держав в последнее десятилетие, регионализацией и появлением интеграционных мегаблоков торговыми конфликтами и санкциями, системными проблемами ВТО, ускорением внедрения инноваций и технологий и их влиянием на модификацию форм междугородной торговли. Данные проблемы усугубились под влиянием пандемии и последующим мировым кризисом.

В этой связи проблемы деятельности Всемирной торговой организации негативно отражаются на функционировании многосторонней торговой системы в целом. Среди основных проблем ВТО следует отметить следующие:

- отсутствие значимого прогресса на многосторонних торговых переговорах в рамках Доха-раунда, длящегося почти 20 лет. Это затрудняет обновление действующих норм и правил ВТО, а также включение в сферу деятельности организации новых сфер и компетенций, отвечающим потребностям нынешнего и перспективного периода функционирования МТС;

- снижение эффективности деятельности Органа по разрешению споров (ОРС) за счет неоднозначной трактовки соответствующих договоренностей, удлинения сроков рассмотрения исков и принятия решений по ним. Фактически заморожена деятельность Апелляционного органа в связи с отсутствием кворума судей из-за блокировки США назначения новых кандидатов;

- неоднозначные трактовки странами-членами норм и правил ВТО по принципиальным Соглашениям, включая понятие соображений национальной безопасности (статья XXI ГАТТ-94), режима наибольшего благоприятствования (статья II ГАТТ-94) и ряда других положений;

- снижение дисциплины предоставления обязательных нотификаций странами-членами и, соответственно, транспарентности деятельности ВТО;
- досрочный уход со своего поста генерального директора ВТО Р.Азеведо в середине 2020 г. и снижение управляемости организации в виду отсутствия лидеров-руководителей;
- возникновение торговых конфликтов и волны взаимных санкций между ключевыми странами-членами и невозможность урегулирования этих проблем в рамках организации;
- прочие содержательные и технические проблемы ВТО.

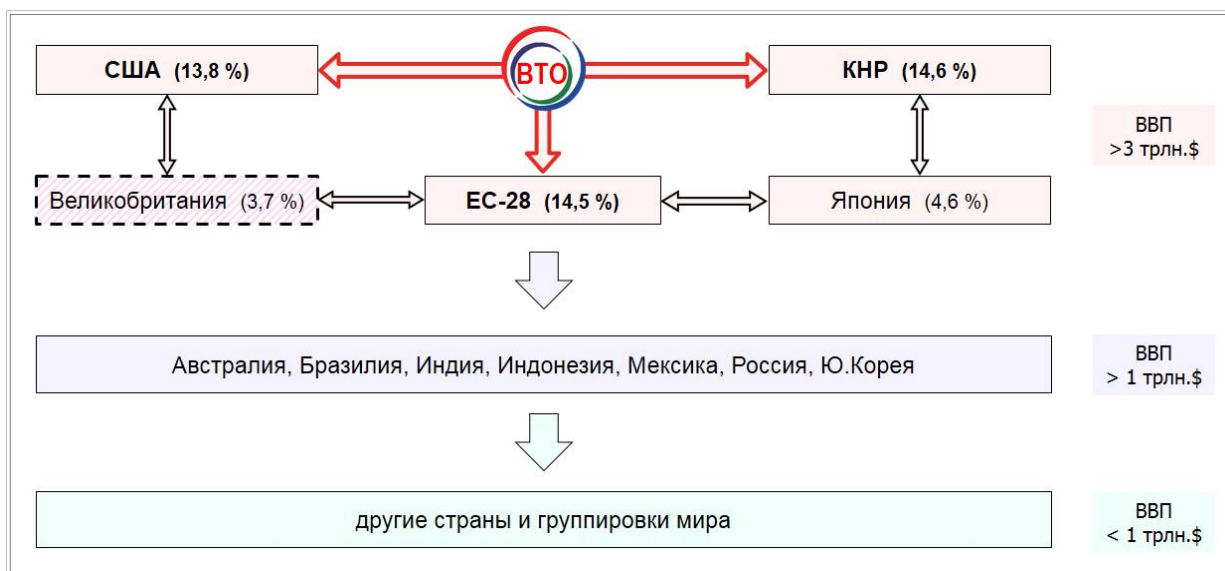
Безусловно, наиболее острой проблемой современности в МТС является торгово-политическое противостояние США и Китая, причем значимость этого конфликта определяет не его масштабы на двустороннем уровне, а степень воздействия на внешнюю торговлю и даже экономику других крупных стран мира.

Проведенный анализ позволил выделить основные узлы противоречий в многосторонней торговой системе на современном этапе. Естественно, что наибольшее напряжение создает торговый конфликт США и Китай, который оказывает прямое или косвенное воздействие на многие страны мира, порождая новые проблемы.

На фоне экспансионистской политики КНР, вызывающее недовольство их контрагентов, Соединенные Штаты пытаются создать антикитайский блок. Однако многие страны также опасаются сближения с США, которые в период президентства Д.Трампа зарекомендовали себя непредсказуемым партнером. Поэтому в данном случае речь может идти о «мягкой» коалиции. В свою очередь, Китай пытается мобилизовать своих зависимых сторонников для усиления собственных глобальных позиций.

Развитие двух этих трендов может привести (как алармистский вариант) к условному разделению мира на «западную» и «восточную» части, в том числе в рамках многосторонней торговой системы, участники которых будут консолидироваться вокруг своих лидеров и, обособляясь, расширять связи со своими партнерами. Такое развитие событий вряд ли принесет пользу МТС в целом и ее членам в частности.

При этом точки конфликтов и взаимозависимости сторон тесно переплетаются на страновом и региональном уровне, формируя своеобразные жесткие треугольники – большие (США – ЕС – КНР) или малые (Япония – ЕС – Великобритания), а также более сложные конфигурации на других уровнях (см. рисунок 1).

Примечания

- 1 (%) – доля в мировой торговле
- 2 Источник: составлено авторами

Рисунок 1 – Основные узлы противоречий МТС на страновом уровне.

В целом можно выделить, как минимум, три эшелона стран мира – по степени их влияния и позиций (удельного веса в глобальном товарообороте), а также других критериев – в многосторонней торговой системе. Первый эшелон формируют торговые державы-лидеры МТС – США, Китай, ЕС, Япония и, очевидно, Великобритания (учетом ее выхода из ЕС). При этом реализации новой торговой политики Соединенного Королевства необходимо уделить особое внимание, т.к. в перспективе эта страна может стать активным участником реформирования МТС.

Кроме того, необходимо принимать во внимание возможное формирование в обозримой перспективе англосаксонского альянса на фоне развивающихся процессов в глобальном измерении. С учетом тенденций глобальной торговли и направленности торговой политики ведущих держав, можно предположить образование в среднесрочной перспективе неформального альянса пяти ведущих англосаксонских государств современной эпохи (Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия). Это неизбежно отразится на перераспределении баланса сил и интересов в рамках многосторонней торговой системы.

Естественно, встает вопрос о роли и месте Российской Федерации в МТС. Формально Россия занимала в 2019 г. по объему внешнеторгового оборота (товаров и услуг) 12-е место в мире (примерно 1,5% глобальной торговли в 2019 г.). Но эта достаточная высокая доля участия формируется в основном за счет энергосырьевого экспорта, стоимость которого определяется конъюнктурой мировых товарных рынков.

Поэтому следует ожидать, что по итогам 2020 г. в связи с падением цен и спроса на энергоносители позиции России (экспорт к предыдущему году по стоимости упадет примерно на 25% на фоне 8-10% спада в глобальном вывозе), в международной торговле ослабнут. Кроме того, Китай и ряд стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии к концу 2020 г. вышли на позитивную динамику роста внешней торговли.

При этом падение импорта в России в течение текущего года было незначительным – на уровне 7%, что явилось одним из лучших показателей среди ведущих государств мира (кроме Китая). С макроэкономической точки зрения, это достаточно парадоксальная ситуация, принимая во внимание спад ВВП в стране примерно на уровне 5%, ослабление курса рубля более чем на 20», а также целенаправленную политику импортозамещения.

Так, в докладе МЭР признаётся невыполнение целей экспортного нацпроекта, а также низкий уровень диверсификации товарного вывоза. [1] В целом отечественный экспорт товаров по-прежнему характеризуется низким уровнем диверсификации: за последние десять лет доля несырьевых товаров во внешних поставках выросла всего с 47% до 53%, причем частично этот рост обусловлен изменением методологии подсчета. [2] В этом контексте целесообразно рассмотреть проблемы экспорта вооружения и военной техники (ВВТ), возникшие при введении секторальных и точечных санкций.

Кроме того, следует учитывать взаимное санкционное противостояние, которое продолжается седьмой год, Российской Федерации и ведущих торговых держав мира. При этом у России, как представляется, в настоящее время нет явных союзников или даже партнеров по поддержке и продвижению каких-либо инициатив. Даже участников СНГ или даже ЕАЭС, а также политически зависимые страны (типа Венесуэлы), как показывает практика, трудно отнести к этой категории.

Безусловно, проблематика санкций и других ограничений является одной из ключевых в повестке действий Российской Федерации на современном этапе, в том числе в контексте участия страны в реформировании многосторонней торговой системы.

С введения первой волны персональных и секторальных санкций в 2014 г. против Российской Федерации прошло уже более 6,5 лет. За этот период ни одно из ограничений не было снято или ослаблено; только несколько персоналий и компаний были выведены из-под санкций, что свидетельствует об их гибкой корректировке при необходимости. Вместе с тем, за эти годы были введены серия новых санкций против России, детальный перечень которым можно рассматривать только списком.

Кроме того, не оправдались надежды российского руководство на отмену части санкций или точечный прорыв блокады путем изменения политической позиции отдельных стран. Согласно внутреннему регламенту зарубежных государств санкции регулярно

продлеваются, а круг применяющих их стран только расширился за счет европейских государств (вне ЕС) и бывших участников СНГ. [3]

Кроме того, вступление в силу ряда ограничений со стороны США пока отложено, а Евросоюзе планируются новые санкции или расширение прежних. Всего санкции в отношении России в той или иной степени применяют более 40 стран мира. Это практически все развитые государства и несколько стран с т.н. переходной (транзитной) экономикой.

Также не следует ожидать смягчения санкций со стороны США в случае прихода после выборов в ноябре с.г. новой Администрации. Более того, Соединенные Штаты стали применять упредительные ограничительные меры в отношении группы стран – своих антагонистов (Китай, Россия, Иран, Венесуэла и пр.) по системным проблемам.

В свою очередь, возможности ответных действий (даже ассиметричного характера) у российской стороны ограничены, что обусловлено несопоставимым уровнем экономического развития страны против коалиции западных государств и зависимостью от торгово-экономических и инвестиционных связей с развитыми странами. Достаточно отметить, что по итогам первого полугодия 2020 г. доля внешнего товарооборота России со странами, применяющими санкции, составила более половины – 51%. Это в условиях взаимных ограничений и резкого падения цен на энергоносители – основу российского экспорта в развитые страны. Удельный вес этой группы государств в торговле услугами, движении ПИИ и трансферта технологий в России еще выше.

В свою очередь, санкционный ресурс России мог быть результативен фактически только в отношении малых экономик стран СНГ. Даже в случае с Украиной, несмотря на многолетнее применение всего комплекса ограничительных мер со стороны России, существенного ущерба нанести не удалось. Более того, рикошетом отрицательные эффекты применяемых мер отразились на российской экономике. В итоге массированное применение санкций подтолкнуло руководство страны к самоизоляции, а политика импортозамещения, ответных санкций и расширения огосударствления экономики лишь усилили эти тенденции «опоры на собственные силы», в т.ч. принудительной деофшоризации и т.н. национализации элит, а также дедолларизации и пр.

В этих условиях Правительство России в настоящее время уделяет недостаточное внимание стабилизации ситуации во внешнеэкономической сфере страны. Немногочисленные меры, которые предпринимаются, направлены, как представляется, на восстановление старой модели энергосырьевого экспорта, что и раньше, показывала свою неэффективность и ограниченность позитивного воздействия на устойчивый экономический рост в России.

Процесс импортозамещения длится с 2014 г. – после введения санкций в отношении России. В данном плане указывается, что ускорение импортозамещения можно достичь за счет диверсификации выпускаемых товаров оборонно-промышленным комплексом. Для поддержки компаний-экспортеров несырьевого сектора государство планирует упростить выход компаний на зарубежные рынки. В частности, предлагается отменить к 2022 г. требования по возврату экспортерами выручки в иностранной валюте за переданные ими контрагентам несырьевых и неэнергетических товаров.

Такой подход противоречит самой идее активного участия в реформировании многосторонней торговой системы. Самое главное, было утрачено доверие партнеров к России, что весьма негативно сказывается на нынешних и будущих взаимоотношениях между ними. Понятие «доверие» в международных экономических отношениях практически не изучено в специальной российской литературе, хотя эта категория играет значимую роль на мировых рынках.

Вместе с тем, за рамками анализа российских исследователей остались вопросы участия Российской Федерации в многосторонней торговой системы в условиях санкционного противостояния и перспективы нового позиционирования страны. Хотя существовал и альтернативный вариант – политика открытости и либерализации, а также развития экономики на основе рыночных принципов, но исходя из геополитических соображений, для руководства страны этот путь был неприемлем.

В итоге Россия под воздействием двойного эффекта – контр-санкций и самоизоляции поэтапно стала утрачивать свои позиции в МТС в целом, и ее отдельных сферах в частности. Сохранение столь негативной тенденции в новых условиях приведет к еще большим проблемам развития национальной экономики и ее внешнеэкономического сектора.

Следует отметить, что проблемы развития внешнеэкономической сферы страны во многом связаны с низкой динамикой экономического роста в России в последнее десятилетие. Так, с 2010 г. по 2019 г. экономика России выросла всего на 15% (ВВП в постоянных ценах). Для сравнения за этот же период (по данным МВФ) ВВП Китая возрос на 88%, Индии – на 85%, Индонезии – почти на 60%, Малайзия – на 57%. Практически весь мир развивался быстрее, чем Россия – рост мировой экономики за это десятилетие составил 37%. [4]

Также необходимо принимать во внимание пассивную позицию российской стороны (низкая переговорная активность) по торгово-политической повестке в ВТО и других международных институтах. Все сказанное выше свидетельствует о неудовлетворительном состоянии дел в сфере разработки, подготовки и продвижения

инициатив торговой политики России на международном уровне, включая выработку переговорной позиции и директив для российской делегации. Как представляется, здесь существует комплекс проблем различного уровня.

1.2. Главные направления реформирования МТС и позиция России

В настоящее время во внешнеэкономической сфере России сложилась уникальная ситуация, когда впервые за долгие годы в этой области отсутствуют четкие директивные и сопутствующие им документы и среднесрочные прогнозы ее развития. Такое положение ведет к отсутствию определенных приоритетов, а также ясных целевых и количественных ориентиров, что является традиционной основой внешнеэкономической политики страны.

Согласно официальным прогнозам восстановление докризисных объемов товарооборота ожидается не ранее 2024 года, а надежды на резкий рост цен на нефть в прогноз не закладывается. Здесь надо принимать во внимание не только проблемы, возникшие в 2020 г. (пандемия, падение цен на нефть и сокращение ВВП), но и накопившиеся системные диспропорции ВЭД за последние десять лет и даже более долгий период времени.

В середине 2020 г. перед российской стороной со всей очевидностью встала проблема введения в ЕС «карбонового» налога в отношении российских поставщиков углеводородных товаров. В принципе об этом было известно почти десять лет назад, но как всегда, рассмотрение этой проблемы откладывали на потом, национальную экономику к этому не готовили, и в переговоры с ЕС российские власти не вступали, хотя другие страны сделали это несколько лет назад. Вместо этого звучат оправдания, что эти меры со стороны ЕС неправомерны и т.д.

Необходимо отметить еще один т.н. системный вопрос, которая непосредственно касается Российской Федерации. Речь идет об усилении рыночных принципов и условий деятельности многосторонней торговой системы. Это многоплановая проблема, которая теперь трактуется не только как приоритет коммерческих интересов госпредприятий над неэкономическими в сфере внешней торговли в контексте Статьи XVII ГАТТ-94, но и ограничения на целевое субсидирование со стороны государства компаний, прежде всего, госкорпораций, действующих за рубежом. Здесь уже применяются критерии нерыночной экономики (non-market economy) как факторы недобросовестной конкуренции.

В целом в современной истории последних десятилетий наблюдается низкая переговорная активность России в ВТО и на других международных форумах по сравнению с деятельностью советских делегаций, мнение которых подчас было определяющим в решении ряда международных проблем. Практика показывает, что для укрепления позиций конкретной страны в многосторонней торговой системе недостаточно обладать даже

солидным торгово-экономическим, инвестиционным и инновационным потенциалом. Важно также создавать благоприятные условия для его реализации посредством активной переговорной позиции, продвигая и защищая национальные интересы в этой сфере на двух- и многостороннем уровнях, в том числе в рамках Всемирной торговой организации. [5]

В этой связи необходимо постепенно и последовательно наращивать переговорный потенциал России в рамках МТС, хотя это сложная и многоплановая задача, требующая не только большой аналитической и организационной работы, но и элементов творчества и изучения теории и практики зарубежного опыта. Здесь требуется как повышение качества процедур и выработки переговорной позиции страны, усиления межведомственной координации, так и роста квалификации самим российскими переговорщиками и экспертов.

Как представляется, одним из резервов повышения качества торговой политики страны является значительное улучшение аналитической работы во внешнеэкономической сфере, основанной на критическом и профессиональном анализе торгово-политической, страновой и конъюнктурной информации из зарубежных и отечественных источников.

Например, в рамках реформирования МТС англосаксонский альянс будет продвигать традиционную идеологию либерализации глобальной торговли и ограничения применения т.н. нерыночных мер (субсидирования, деятельности государственных компаний, критерии рыночной экономики и др.). Однако необходимо понимать, что такие подходы приемлемы для высокоразвитых государств или продвинутых экспортноориентированных стран с либеральной торговой политикой – а таких участников ВТО пока не так много.

В этой связи российской стороне при формировании национальной торговой политики на современном этапе необходимо заранее подготовиться к такому развитию событий и быть готовым к достаточно быстрому реагированию и компромиссам. Как представляется, часть указанных инициатив может противоречить текущей экономической политике России. Возможно, будут предложения англосаксонского альянса, которые российская сторона сможет поддержать.

По понятным политическим причинам и ввиду несопоставимости уровня экономического развития серьезное сближение Российской Федерации со странами англосаксонского альянса вряд ли возможно. Но необходимо стремиться к поиску компромиссов, учитывая достаточно высокую значимость этой «пятерки» во внешней торговле товарами и услугами страны, особенно в сфере импорта готовых изделий, технологий, наукоемких услуг и ПИИ, а также как рынки сбыта отдельных отечественных товаров.

Кроме того, заинтересованным российским государственным структурам следует изучать формирование национальной внешнеэкономической стратегии Великобритании, ее тактические и стратегические приоритеты, основные инструменты и механизмы реализации, а также систему подготовки кадров. Такой анализ достижений и ошибок позволит сделать правильные выводы в отношении возможностей развития двусторонних отношений, а также поможет сформировать понимание основных тенденций развития многосторонней торговой системы на современном этапе и роли Российской Федерации в этом процессе.

В целом, чтобы перейти к устойчивому экономическому росту, необходимо, прежде всего, переломить тенденцию все большей самоизоляции страны. Примеров роста без планомерного повышения открытости экономики в современной истории просто нет. Если правительство не сможет развернуть вспять ситуацию с постоянно усиливающейся международной изоляцией, то не помогут даже эффективные управленческие решения.

Также необходимо менять отношение к частному предпринимательству и использовать преимущества принципов рыночной экономики, а не стремиться к ее огосударствлению. Сейчас притоку новых технологий и инвестициям мешают уже не только всевозможные ограничения, продиктованные различными «соображениями безопасности», но и законы, ограничивающие распространение информации и других свобод. Это ограничительные меры несовместимо с задачами устойчивого экономического роста.

Поэтому первоочередными мерами в России должны стать повышение экономической открытости в широком смысле, улучшение предпринимательского климата, защита прав личности и собственности, борьба с монополизмом и коррупцией и пр. В современном мире эффективная вовлеченность в международные экономические отношения является одним из главных ресурсов развития, в том числе и для нашей страны. В этом контексте действенное участие Российской Федерации в реформировании МТС с учетом национальных интересов должна стать одной из стратегических задач развития страны на современном этапе.

В противном случае Россия обречена оставаться пассивным участником МТС, в стороне от новых трендов развития системы правил и регулирования глобальной торговли. Такой вариант лишь усилит внешние негативные эффекты для экономики и внешнеэкономического комплекса страны. Таким образом, подобная модель «ресурсного проклятия» фиксирует для России нишу, которая неспособна адаптироваться к новой ситуации в МТС вне зависимости от изменения внешних условий. В других странах

нормально функционирующие институты препятствуют нишевой адаптации, но в России они не столь эффективны. [6]

2. Роль государств постсоветского пространства в торговой политике Российской Федерации

2.1 Необходимость консолидации позиций России со странами ближнего зарубежья в МТС

В условиях глобальной торговли Российской Федерации достаточно трудно самостоятельно продвигать какие-либо инициативы по реформированию МТС. Поэтому российская сторона заинтересована в формировании пула партнеров для результативного достижения искомого результата. Естественными союзниками России в данном случае могли бы стать страны ЕАЭС или даже СНГ для консолидированной позиции, например, в рамках ВТО. [7]

Исследуя вклад отдельных государств или союзных объединений в развитие МТС важно отметить, что самые крупные и системообразующие экономики постсоветского пространства, чей голос мог быть учтён хотя бы в рамках начавшегося в 2001 г. Дохийского раунда переговоров – Россия, Казахстан, Украина – присоединились к МТС ВТО лишь спустя 15-20 лет после её создания. Дохийский раунд переговоров был запущен с целью дальнейшего развития и либерализации норм и правил международной торговли, и МТС в целом, которые были сформированы и согласованы в рамках Уругвайского раунда (1986-1994 гг.) и легли в основу создания ВТО.

Таким образом, реальное участие в реформировании МТС могло быть реализовано либо через текущую деятельность, либо через Орган по разрешению споров ВТО (WTO Dispute Settlement Body). Однако за все годы членства в ВТО, страны СНГ и ЕАЭС заняли крайне пассивную позицию, а в Органе по разрешению споров, кроме России и Украины, которые в большинстве кейсах выступают в качестве ответчиков, и только в некоторых – в качестве истца, их активность практически незаметна. Тем не менее, хоть и весьма пассивно, но большинство постсоветских стран являются членами ВТО и осуществляют свою торгово-экономическую внешнеторговую деятельность в рамках многосторонней торговой системы.

В список стран, которые по состоянию на 2020 г. не присоединились к ВТО входят Азербайджан, Беларусь, Туркменистан и Узбекистан. Что касается участия в работе ВТО интеграционных группировок в лице единой организации, представляющей интересы входящих в неё стран, то за годы своей деятельности, ни СНГ ни ЕАЭС так и не получили статуса постоянного наблюдателя в организации, что гипотетически смогло бы, в том числе, укрепить их международную правосубъектность.

Современные интеграционные аспекты внешнеэкономической политики России во взаимодействии с партнерами по ЕАЭС и СНГ, обуславливаются следующими факторами:

- обострением глобальной, региональной и межстрановой конкуренции;
- введенными США и ЕС антироссийскими санкциями;
- накопленными в мировой торгово-экономической системе структурными проблемами;
- неравномерным распределением выгод между развитыми и развивающимися странами;
- устаревшей многосторонней торговой системой, которая функционирует по правилам, сформированным развитыми странами в конце XX века;
- глобальной тенденцией активизации двусторонних договоренностей, сменяющих многосторонние форматы;
- трансформацией системы международного разделения труда.

Вышеперечисленные вызовы способствуют пересмотру торгово-экономических связей России с традиционными партнерами по СНГ в сторону более глубокого и расширенного сотрудничества. В связи с этим осуществляются попытки формирования на континенте Большого Евразийского партнерства (БЕП). Данная концепция впервые была предложена Президентом России В.Путиным в 2015 г.

По мере эволюции концепции складывается понимание, что БЕП – это сеть диалогов между ключевыми игроками в Евразии не только из числа крупнейших национальных экономик, но и региональных экономических объединений, связанных между собой гибкой системой международных правовых норм, транспортно-логистических, энергетических, телекоммуникационных и финансовых инфраструктур, совместных проектов и институтов.

В начале текущего года также была принята Стратегия экономического развития СНГ на период до 2030 г. Она направлена на создание эффективных механизмов партнерства, позволяющих совершенствовать развитие экономических связей, как в рамках СНГ, так и с другими государствами и международными организациями. Выполнение Стратегии будет осуществляться в два этапа (2021–2025 и 2026–2030 гг.).

В настоящее время на площадке СНГ ведется активная работа по подготовке проекта Плана мероприятий первого этапа по реализации Стратегии (2021-2025 гг.) который будет учитывать ситуацию в экономике государств-участников СНГ, связанной с негативными последствиями пандемии COVID-19, и планируется к внесению на рассмотрение очередного заседания Совета глав правительств СНГ. Реализация данной стратегии позволит повысить конкурентоспособность экономик стран СНГ, благосостояние их граждан, укрепить позиции в мировых экономических связях.

Согласно Стратегии экономического развития СНГ, на период до 2030 г. приоритетными направлениями дальнейшего развития валютно-финансового

сотрудничества государств-участников СНГ являются: либерализация валютного законодательства, взаимодействие центральных банков, расширение взаимного доступа к фондовым рынкам, развитие сотрудничества в области платежно-расчетных систем и расширение использования национальных валют государств СНГ.

В ЕАЭС также ведется активная работа по созданию и совершенствованию цифровой повестки в различных сегментах общего рынка. Ожидается, что экономический эффект от реализации цифровой повестки увеличит ВВП ЕАЭС к 2025 г. примерно на 10,6 % от общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств-членов к 2025 г.

Медленно, но стабильно растут торговые показатели по товарам и услугам, как с третьими странами, так и внутри Союза. Однако для того, чтобы эти точки роста стали движущим драйвером экономического роста необходим переход от торговой интеграции, которая на сегодня уже состоялась, к производственной – развитию тесных кооперативных связей по всей цепочке взаимодействия и формирования добавленной стоимости, то есть создание полных циклов производства.

Поскольку в числе основных угроз сохранению позитивных экономических тенденций на ближайшие несколько лет остаются международная эскалация торгового протекционизма и разбалансировка многосторонней торговой системы, Российская Федерация, оставаясь сторонником многосторонней торговой системы, в которой центральное место занимает ВТО, в своих внешнеторговых, инвестиционных, валютных и иных операциях с партнерами по СНГ и ЕАЭС принимает вынужденные адекватные меры.

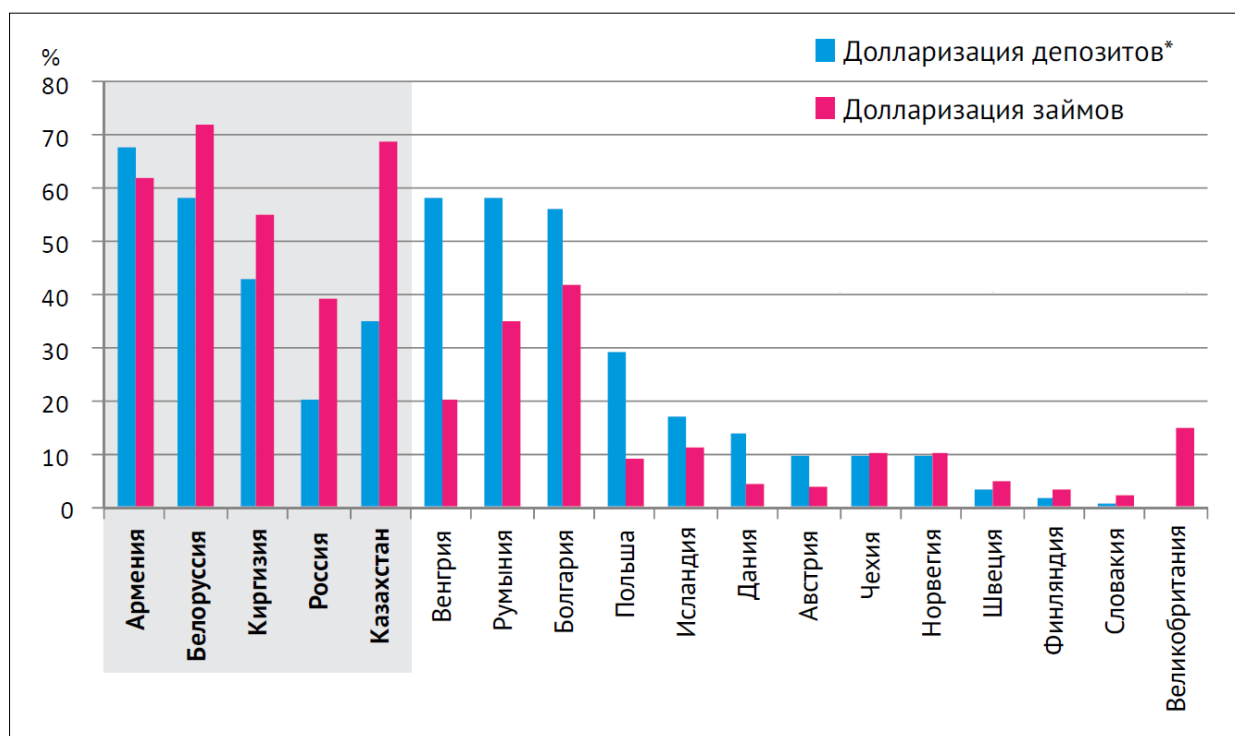
Так, в недавнем интервью информационному агентству РИА новости, Заместитель Министра иностранных дел России А.Панкин, заявил, что «одной из наиболее актуальных и важных тем текущей российской внешнеэкономической повестки является необходимость расширения расчетов по торговым операциям с применением национальных денежных единиц». [8]

В ходе заседания Совета ЕЭК, состоявшегося 1 октября 2020 г., вице-премьеры пяти стран утвердили перечень мероприятий по реализации основных ориентиров макроэкономической политики государств-членов ЕАЭС на 2020-2021 годы, в рамках которого они также договорились продолжить работу по вопросам дедолларизации расчетов при осуществлении внутрисоюзной торговли в рамках ранее созданной рабочей группы.

Важно отметить, что постепенное сокращение объемов сделок во внешнеторговых операциях в долларах как с союзниками по ЕАЭС, так и с партнерами по СНГ и третьими странами замещается не столько российской валютой, сколько увеличением доли сделок в евро и частично в юанях. Это подтверждается увеличением доли сделок с использованием

указанных валют на внебиржевом сегменте рынка валютных свопов. Доллары и евро, кроме всего прочего, составляют около 21% кредитов, которые выдаются на территории стран ЕАЭС, и около 30% всех депозитов. Тем не менее, в 2019 году доля доллара во взаимных расчетах стран ЕАЭС значительно сократилась и составила около 30%. [9]

На графике представлена статистика финансовой долларизации в странах ЕАЭС и в Европе подготовленная Евразийским банком развития (см. рисунок 2).

Примечания

- 1 Данные за 2016 г.
- 2 Источник: [10]

Рисунок 2 – Финансовая долларизация в странах ЕАЭС и в Европе

Относительно низкая долларизация экономики ЕС в первую очередь связана с наличием единой валютной зоны евро. Тем не менее, эти показатели свидетельствуют о том, что наличие единой союзной валюты не противоречит развитию многосторонней торговой системы, а дополняет её, что оправдывает усилия ЕАЭС направленные на дедолларизацию и в конечном итоге созданию единой платежной единицы или единой валюты.

Санкции, введенные против России, которая является естественным интеграционным ядром на постсоветском пространстве и продолжает оставаться основным торговым партнером для большинства стран входящих в это пространство, заставляют диверсифицировать торговые и финансовые потоки, что увеличивает транзакционные издержки, оказывает негативное влияние на конкурентоспособность экспортируемой продукции и в конечном итоге заставляет задумываться о поиске новых партнеров. [11]

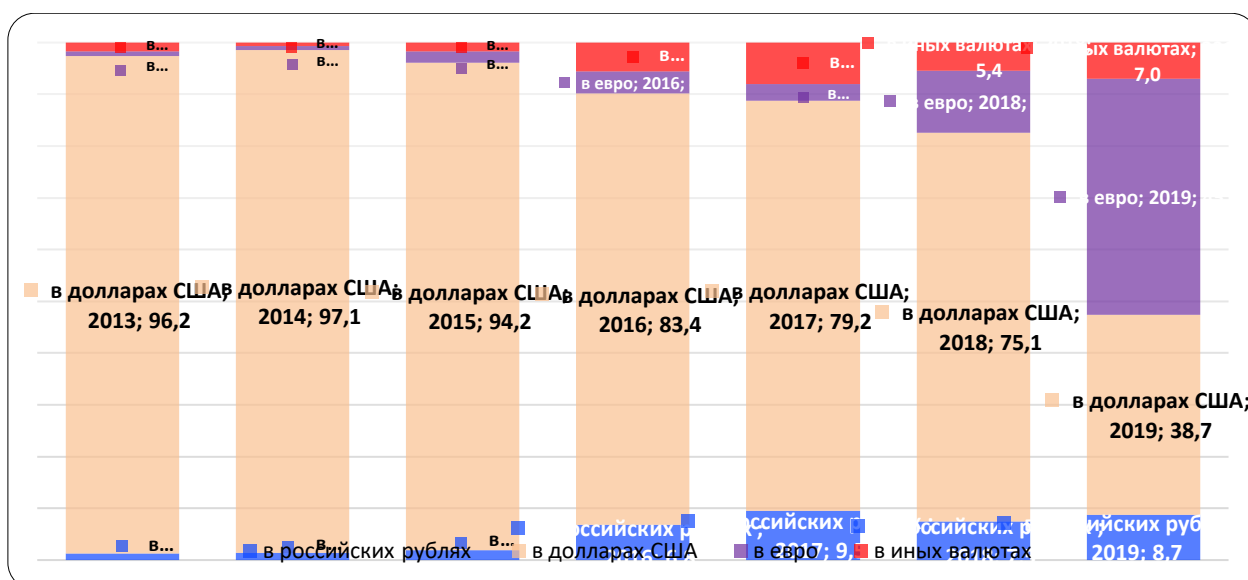
Для противостояния этим процессам, в первую очередь России необходимо укреплять экономический суверенитет и снижать уязвимость своей экономики от внешнего негативного воздействия. Согласно поставленным Минэкономразвития России целям, до 2025 г. доля расчетов в рублях во внешней торговле должна вырасти с 20 до 30%.

В целом, считается, что политика дедолларизации способствующая появлению (созданию) новых резервных валют призвана повысить устойчивость мировой экономики. Высокая закредитованность американской экономики, её попытки ограничить развитие своих конкурентов и периодические ограничения на расчеты в долларах в основном имеющие политические мотивы для сохранения контроля над мировой экономикой парализуют сложившуюся международную торговую систему и снижают доверие многих международных акторов к доллару, как к мировой резервной валюте. Об этом было также заявлено в рамках Десятого саммита БРИКС «Сотрудничество в области экономического планирования перед лицом четвертой промышленной революции», который проходил в Йоханнесбурге (ЮАР) в 2018 г.

Что касается СНГ, то в последние десять лет многие валютные рынки государств-членов СНГ были сильно дестабилизированы. Как было отмечено ранее, только в принятой в марте с.г. Стратегии экономического развития СНГ до 2030 г. были обозначены четкие шаги по реализации политики валютно-финансового сотрудничества. К ним относятся:

- взаимодействие центральных (национальных) банков и финансовых ведомств государств-участников СНГ, а также продолжение консультаций и обмен опытом по вопросам финансовой сферы;
- расширение использования национальных валют заинтересованных государств-участников СНГ в расчетах во взаимной торговле;
- развитие сотрудничества в области платежно-расчетных отношений государств-участников СНГ на принципах независимости национальных платежных систем;
- расширение взаимного доступа к фондовым рынкам государств-участников СНГ В соответствии с договоренностями, достигнутыми государствами-участниками СНГ;
- развитие сотрудничества центральных (национальных) банков и финансовых ведомств по вопросам кибербезопасности в финансовой сфере.

По состоянию на текущий год, ситуация по долларovým сделкам на пространстве СНГ хотя и меняется в пользу российской и европейской валют, но это в основном обусловлено ростом рублевых сделок между государствами-членами ЕАЭС (см. рисунок 3).

Примечание – Источник: [12]

Рисунок 3 – Динамика структуры расчетов за экспорт российских товаров и услуг, в % экспорта в Китай

2.2 Выработка совместных подходов по международной повестке в рамках ЕАЭС и СНГ

Одной из мер, которую активно реализует Российская Федерация в своих торгово-экономических отношениях с партнерами из постсоветского пространства входящими в ЕАЭС – это создание общей платежной инфраструктуры на базе существующих национальных платежных систем. Данная мера имеет два обоснования: первое связано с тем, что Россия пытается укрепить региональные торговые отношения и защитить их от внешних угроз; второе связано с неоднократными угрозами США отключить неудобные им государства от международной системы межбанковских расчетов SWIFT (англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications). Такие угрозы, например, звучали не только в адрес России, но также – Китая, Ирана, Индии и Турции.

Использование развитыми странами существующих международных платежных механизмов в качестве экономического оружия против развивающихся стран, чей суммарный ВВП уже превзошел совокупный ВВП развитых стран ЕС и США дает мощный толчок как для дедолларизации, так и для перехода на альтернативные платежные механизмы.

В настоящее время в странах ЕАЭС, а также в Таджикистане и Узбекистане работает российская платежная система «МИР», которая была запущена в России 15 декабря 2015 г. Банком России и АО «Национальная система платежных карт». Также осуществлена бесшовная интеграция существующих платежных систем «Белкарт» (Белоруссия), «ArCA» (Армения), «Корти Милли» (Таджикистан), «UZCARD» (Узбекистан), «Элкарт»

(Киргизия). Стоит отметить, что все перечисленные платежные системы также работают в государствах ЕАЭС. Таким образом, можно констатировать, что создано единое независимое платежное пространство ЕАЭС.

В настоящее время Евразийским банком развития осуществляется работа по переводу международных расчетов внутри ЕАЭС на клиринговую систему, с перспективой расширения, как для стран СНГ, так и для третьих стран, таких как Иран, Турция, Индия, Китай и другие страны. По мнению российских экспертов, [13] «Запуск клиринговой системы расчетов в рамках, расчетной денежной единицы и межгосударственного кредитования позволит значительно продвинуться к полноценным наднациональным деньгам, которые в перспективе могут заменить национальные валюты в пределах Евразийского экономического союза».

Следуя примеру Китая, который в апреле с.г. уже официально запустил в тестовом режиме цифровую валюту, а также учитывая изменения в мировой финансовой системе, Банк России в октябре с.г. анонсировал о планах по эмиссии цифрового рубля. Для этого практически создана дополнительная платежная инфраструктура, которая в свою очередь будет способствовать устойчивости, надежности и бесперебойности работы платежной системы и денежных расчетов в стране, что также является важным условием финансовой стабильности в целом. После его успешного запуска планируется применение этого механизма для создания единой межгосударственной цифровой валюты специально для расчётов в ЕАЭС.

Важным условием дальнейшего развития интеграции ЕАЭС и его участия в МТС является присоединение Белоруссии к ВТО. Беларусь является единственным государством-членом ЕАЭС, не присоединившимся к ВТО. Официально страна ведет переговоры о присоединении к ВТО с 1993 г., когда впервые была подана заявка на присоединение к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ). Тем не менее, на протяжении 25 лет с разной степенью интенсивности республика ведет переговоры о присоединении. С 1995 по 2007 гг. Беларусь подписала 10 протоколов в рамках переговоров. С 2007 по 2016 г. (на протяжении 10 лет) волею высшего политического руководства страны переговоры были остановлены. Однако в 2016 г. переговоры возобновились, и за три года было подписано ещё десять протоколов.

Поскольку Беларусь не является членом ВТО и при этом состоит в ЕАЭС, это формально затрудняет возможность усиления международной правосубъектности для выхода на более высокий структурный уровень и возможности принимать участие в многосторонних международных переговорах как единому экономическому субъекту, для того, чтобы оказывать влияние на правила технического регулирования, стандарты и

прочие нормы в рамках многосторонней торговой системы, а также заключать межблоковые торгово-экономические альянсы.

Существенным фактором, определяющим участие государств и интеграционных объединений в многосторонней торговой системе, является их экономическая сложность (англ. Economic complexity index) и сложность производимой ими продукции (англ. Product Complexity Index). Экономическая сложность позволяет понять развитие национальной и региональной экономики с помощью таких показателей, как качество институтов, наличие технологий, человеческого капитала и социального капитала.

При определении экономической сложности используются большие массивы данных о деятельности, осуществляемой на местах, для прогнозирования динамики развития стран, городов и регионов. Используемые для расчета экономической сложности и сложности производимой продукции методы могут прогнозировать экономическую ситуацию в будущем, а также ожидаемый уровень доходов экономики, экономический рост, неравенство доходов и другие показатели.

Для расчета индекса экономической сложности, а также индекса сложности производимой продукции Массачусетским технологическим университетом (MIT) была разработана уникальная методология. Представленная MIT база индексов охватывает 131 страну за период 1964-2017 гг. Показатели по странам СНГ в динамике с 2011 по 2017 гг. представлены в таблицах (см. таблицу 1).

Из таблицы видно, что по таким странам, как Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан и Туркменистан индекс экономической сложности не только находится в отрицательной зоне, но в динамике за указанный период он также деградирует. У России, Украины и Казахстана он является положительным и в динамике показывает небольшой рост. Сведения по Армении отсутствуют вовсе. Топ-20 индекса занимают динамично развивающиеся страны Азии, в т.ч. входящие в группировку АСЕАН, большинство стран ЕС и США.

Как было отмечено ранее, индекс экономической сложности напрямую зависит от уровня развития экономики, технологий, качества институтов и человеческого капитала. Таким образом, низкие и отрицательные индексы государств СНГ и ЕАЭС определяют их слабые позиции в многосторонней торговой системе. Исходя из этого, государствам СНГ и ЕАЭС необходимо углублять интеграцию и консолидировать позиции по ключевым вопросам в рамках ВТО.

Таблица 1 – Динамика индекса экономической сложности государств-членов СНГ

Место	Страна	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
27	Россия	0.85	0.85	0.86	0.01	0.05	0.08	0.01

Место	Страна	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011
30	Белоруссия	0.74	0.74	0.84	0.73	0.69	0.82	0.92
39	Украина	0.56	0.62	0.66	0.27	0.29	0.47	0.48
58	Казахстан	0.09	0.16	0.02	-1.01	-0.96	-0.79	-0.85
63	Грузия	-0.06	-0.10	-0.14	-0.46	-0.42	-0.17	-0.15
68	Киргизия	-0.29	-0.33	-0.43	–	–	–	–
76	Молдавия	-0.46	-0.48	-0.39	-0.10	-0.02	-0.12	-0.05
84	Азербайджан	-0.65	-0.65	-0.67	-1.78	-1.44	-1.51	-1.45
96	Узбекистан	-0.85	-0.90	-0.87	–	–	–	-0.53
109	Таджикистан	-1.10	-1.04	-1.17	–	–	–	–
112	Туркменистан	-1.20	-1.27	-1.48	-1.10	-1.01	-0.78	-0.81
–	Армения	–	–	–	–	–	–	–

Примечание – Источник: [14]

В Стратегии экономического развития СНГ до 2030 г. также упоминается об ограниченности достижения партнеров в развитии практического сотрудничества в реальном секторе экономики, в области производственно-технологической и научно-технической кооперации, гармонизации технического регулирования. В торгово-экономических связях между государствами СНГ сохраняются барьеры и ограничения, сдерживающие дальнейшее взаимовыгодное развитие.

Тем не менее, несмотря на неоднозначные экономические результаты за истекший период, проект СНГ сохраняет привлекательность для его участников. Об этом в т.ч. свидетельствует сопоставление показателей, характеризующих удельный вес СНГ в мировом экспорте товаров (3,2% в 2019 году).

С позиций увеличения несырьевых экспортных доходов и поступлений от трудовой миграции сотрудничество в формате СНГ является в настоящее время в существенной степени определяющим для многих государств СНГ. Большое значение и перспективы имеют взаимодействие государств СНГ в реализации крупных международных инфраструктурных, инвестиционных проектов, повышающих взаимосвязанность пространства СНГ, вовлеченность входящих в него экономик и компаний в международные транспортные, производственные системы, совокупный интеграционный потенциал СНГ.

Однако необходимость более полного использования имеющихся ресурсов и возможностей для углубления сотрудничества государств СНГ обусловлена не только географической близостью, но и сложившимися отраслевыми связями, технически и технологически совмещенными транспортными коммуникациями, миграционными потоками, совпадением многих стратегических интересов и целей экономического развития, новыми вызовами, которые мировая экономика предъявляет государствам постсоветского пространства.

Несмотря на парадоксальную приверженность большинства стран членов ВТО многосторонней торговой системе в рамках соглашений ВТО, они все участвуют в формировании новых двусторонних или региональных соглашений, что на первый взгляд может показаться противоречащей друг другу политикой. Представляется, что регионализация торгово-экономических отношений является необходимым процессом для формирования конкурентоспособных макрорегионов, которые на новом технологическом витке развития и новой архитектуре международных отношений будут осуществлять межблоковое сотрудничество, основанное на обновленных нормах и правилах многосторонней торговой системы.

3. Основные тенденции развития торгово-экономического сотрудничества России со странами Азии

3.1 Предварительные итоги «поворота на Восток» и новые партнеры России

Российское руководство в условиях взаимных торгово-политических санкций и ограничений экономических отношений со странами Европы, и Северной Америки в 2014 г. приняло решение о доктрине «Поворота на Восток». На государственном уровне как таковой стратегии или формализованной программы реализации данного решения нет, но акцент делается на расширении и углублении двустороннего сотрудничества России в различных сферах, прежде всего, с отдельными крупными партнерами странами Азии (Китай, Япония, Индия и др.).

В ходе осуществления этих контактов используются традиционные инструменты межгосударственного взаимодействия: двусторонние межправительственные комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, Деловые советы бизнеса при них, а также Торговые представительства (торгпредства) Российской Федерации за рубежом и пр. Появились новые механизмы поддержки экспорта в рамках программ Российского экспортного центра (РЭЦ).

Вместе с тем, необходимо учитывать объективные трудности для достижения поставленных целей, включая исторические сложившиеся предпосылки. Так, в России состав 12 основных торговых партнеров за сто с лишним лет практически не изменился. Фактически только Южная Корея сменила в данном списке Иран (Персию). В основе этого феномена – приоритет факторов географической близости и социо-культурной общности при выборе партнеров, что обусловлено невысоким уровнем развития внешнеэкономического комплекса (ВЭК) России в целом. [15]

Динамика и объемы внешней торговли товарами России в 2019 г. с десятью ключевыми партнерами (включая четыре – из Азии), при общем сокращении объемов товарооборота на 3,1%, представлены в таблице (см. таблицу 2).

В 2019 г. крупнейшими рынками сбыта российских товаров в Азии были Китай, Турция и Ю.Корея, а в сфере импорта – Китай и Турция. Традиционно при анализе двустороннего взаимодействия главное внимание уделяется торговле товарами, однако существуют и другие важные формы внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Так, в области торговли услугами основными контрагентами являлись Турция – 7 млрд. долл., Китай – 5 млрд., а также Ю.Корея, Израиль, Таиланд и Гонконг – все примерно по 1,5 млрд. долл.

Большое значение имеет инвестиционное взаимодействие, и в России вполне определенные надежды возлагались на существенный приток ПИИ из азиатских

государств, особенно в регионы Дальнего Востока. Однако статистика за 2014-2018 гг. показывает, что доля 10 крупнейших инвесторов из Азии в общем притоке возросла лишь с 2% до 3%. При этом устойчивые потоки зафиксированы только из Сингапура и Гонконга, а КНР находится на 21-м месте среди инвесторов в Россию.

Таблица 2 – Топ-10 торговых партнеров России в 2019 г.

	Страна	Товарооборот (млрд. долл. США)	Прирост по отношению к 2018 г.
1.	Китай	110,9	102,5%
2.	Германия	53,2	89,1%
3.	Нидерланды	48,7	103,5
4.	США	26,3	104,9%
5.	Турция	26,0	101,9%
6.	Италия	25,2	93,5%
7.	Республика Корея	24,4	98,1%
8.	Япония	20,3	95,5%
9.	Польша	17,5	80,6%
10.	Соединенное Королевство	17,3	125,6%

Примечание – Источник: ФТС России

Необходимо отметить новые тенденции в развитии торгово-экономических отношений России со странами Азии. Российское руководство активно и последовательно ведет политический диалог на высшем и высоком уровнях с азиатскими партнерами, лоббируя интересы отечественного бизнеса. Прежде всего, это касается участия госкомпаний и госкорпораций (Роснефть, Росатом, РЖД и пр.) в реализации крупных проектов (АЭС, нефтегазовые, инфраструктурные, ВТС). Однако привлечение к этому диалогу частного бизнеса ограничено, как и точечные высокотехнологичные проекты с его участием.

Членство России в ЕАЭС накладывает определенные ограничения в осуществлении ее торговой политики в сфере торговли товарами, а также требуется частичное согласование в других сферах. В этих условиях ЕАЭС уже заключил соглашения по учреждению зон свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом, Ираном и Сингапуром, а также непреференциальное соглашение с Китаем. Ведутся переговоры по данному направлению с Израилем, Египтом, Индией, возможно, их начало с рядом других государств ЮВА. Однако итоги функционирования таких ЗСТ пока не столь однозначны. В целом общие позитивные результаты «поворота на Восток» за пять прошедших лет не так ощутимы, хотя есть и локальные достижения.

Вместе с тем необходимо отметить существующие проблемы, риски и ограничения расширения торгово-экономического сотрудничества России со странами Азии. Это

высоко конкурентные рынки, трудные для освоения, там зафиксирован рост самообеспеченности и количества стран-поставщиков, расширяются интеграционные союзы, затрудняющие появление новых игроков извне. Также следует принимать во внимание специфику азиатского ведения бизнеса, малоизвестную для деловых кругов России, негативное влияние торгово-политических санкций, курс на импортозамещение и самоизоляцию в стране, а также перестройка системы управления ВЭД и пр.

В этой связи следует отметить усиление китайского вектора в географическом распределении российской внешней торговли товарами. Так, за 2013-2019 гг. доля ЕС сократилась примерно на 7,9% (как следствие взаимных торгово-политических санкций), а удельный вес экономик АТЭС, соответственно, возрос на 7,1%. Однако при этом доля Китая увеличилась почти на 6,1%, Ю.Кореи – на 0,7%, а Японии – уменьшилась на 1%.

Другие изменения за этот период практически незначительны (см. таблицу выше), только доля Украины по понятным причинам упала почти на 3%. Показательно, что удельный вес стран СНГ сократился на 1,3%, а доля государств ЕАЭС (с 2015 г.) осталось неизменной. При анализе указанных выше изменений, необходимо принимать во внимание конъюнктуру мировых цен на нефть, нефтепродукты, а также СПГ и уголь, т.к. эта продукция формирует основу российского экспорта в отдельные страны Азии.

Вместе с тем, столь заметная привязка отечественной экономики к китайскому рынку достаточно рискованна. Это уже показывают негативные результаты начала 2020 г. (стагнация экономики КНР в условиях коронавируса и падения цен на нефть) на российский бизнес, особенно крупный, который вынужден сокращать экспорт сырья и полуфабрикатов в Китай. Одновременно уменьшились запланированные поставки аграрной продукции и промежуточных товаров из КНР в Россию.

Вместе с тем, необходимо продолжать усилия по расширению и углублению взаимодействия с азиатскими странами. Ряд из них – т.н. динамично развивающиеся государства, темпы роста которых в нынешнем десятилетии в 4-5 раз превышали показатели России, с быстро растущими рынками и экономическим потенциалом, что представляет интерес для российского бизнеса. Однако помимо традиционной торговли товарами в условиях глобализации следует большое внимание уделять другим сферам – торговле услугами, обмену результатами интеллектуальной деятельностью и информацией, а также взаимному движению инвестиций. [16]

Географическая диверсификация внешнеэкономических связей страны - объективно важная цель. В условиях практически неизменной структуры экспорта и импорта это может привести к повышению эффективности отечественного ВЭК, дать позитивные эффекты национальному хозяйству в целом, и экономике Дальнего Востока в частности. Однако эти

изменения не могут произойти в сжатые сроки, требуется последовательные усилия всех заинтересованных сторон – государства и бизнеса, а также выход российской экономики на новое качество роста и реинтеграция страны в мировое хозяйство с учетом геополитических и геоэкономических реалий.

3.2 Азиатский вектор интеграционной повестки ЕАЭС

Как было отмечено ранее, ЕАЭС стремится расширить свои международные связи, в связи с чем активно проводит переговоры со странами дальнего зарубежья, прежде всего с государствами Азии, по созданию с ними ЗСТ. Данная политика реализуется в рамках полномочий ЕЭК, которая является постоянно действующим наднациональным регулирующим органом ЕАЭС. [17]

В связи с этим Распоряжением Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) №16 от 27 октября 2016 г. были приняты решения о начале торговых переговоров с рядом государств о заключении соглашения о ЗСТ (либо ПТС) а именно: С Арабской Республикой Египет, Государством Израиль, Республикой Индией, Исламской Республикой Иран, Китайской Народной Республикой, Республикой Сербией и Республикой Сингапур. [18]

В настоящее время с большинством из перечисленных стран заключены соглашения о торговом сотрудничестве как в форме ЗСТ, так и в форме временных соглашений. Схема интеграционных связей ЕАЭС с третьими странами представлена на рисунке (см. рис. 4).

Первое соглашение о ЗСТ было заключено с Вьетнамом в 2015 г., (вступило в силу 05.10.2016) как с одним из наиболее важных политическим и экономическим партнером России в Юго-Восточной Азии. Данное соглашение мотивировано, в частности, желанием России нарастить товарооборот с Вьетнамом до 10 млрд долл. к 2020 г., а также получить за счет организации промсборки опосредованный доступ на рынки АСЕАН. [19] Экономические интересы Вьетнама также заключаются в расширении рынков сбыта своей традиционной продукции (машины, оборудование, текстиль и продовольственные товары).

Примечания

- 1 Непреференциальное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве.
- 2 - - - Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ.
- 3 Источник: составлено авторами

Рисунок 4 – Интеграционное взаимодействие ЕАЭС со странами дальнего зарубежья

При этом, если за первый год сотрудничества экспорт товаров из ЕАЭС во Вьетнам увеличился с 1,6 млрд. долл. США в 2016 г. до 2,3 млрд. долл. в 2017 г., то в 2019 г. этот показатель упал ниже уровня 2016 г. – до 1,3 млрд. долл. В связи с этим на фоне относительно стабильного роста товарооборота, растет дефицит во взаимной торговле. Динамика взаимной торговли за 2016-2019 гг. представлена в таблице (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Динамика внешней торговли ЕАЭС с преференциальными партнерами за 2016-2019 гг. (млрд. долл.)

Страна	Товарооборот			
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Вьетнам	4,3	5,9	6,6	5,5
Китай	78,6	102,7	126,1	132,4
Иран	3,1	2,7	2,7	2,4
Сербия	1,8	2,3	2,2	2,7
Сингапур	2,4	4,6	4,2	3,2

Примечание – Источник: [20].

Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой (КНР) и ЕАЭС подписанное в рамках XI Астанинского экономического форума, 17 мая 2018 г. является неpreferенциальным и не предусматривает отмены

таможенных пошлин, (т.е. не затрагивает вопросы снижения тарифов и сокращения нетарифных мер), а его целью является повышение эффективности регуляторных принципов и среды для бизнеса договаривающихся сторон. Вместе с этим соглашение закрепляет правосубъектность ЕАЭС, повышает транспарентность, а также закладывает основу для активизации торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР, который является приоритетным партнёром для большинства участников Союза.

В рамках сотрудничества с Китаем рассматривается участие государств-членов ЕАЭС в реализации цивилизационного проекта Экономический проект Шелкового пути (ЭПШП). Поскольку важнейшей задачей проекта является снятие инфраструктурных ограничений для торговли и выстраивание системы связанных транспортно-логистических коридоров, то для ЕАЭС ЭПШП в основном является инфраструктурным проектом и в среднесрочной перспективе возможные выгоды от этого проекта ожидаются от участия в совместном строительстве объектов инфраструктуры. [17]

Взаимная торговля ЕАЭС с Китаем за последние годы практически выровнялся и в 2019 г. составил 65,5 млрд. долл. – экспорт, 66,9 млрд. долл. – импорт, хотя на момент создания ЕАЭС дефицит сальдо составлял 9 млрд. долл. Товарооборот за 2016-2019 гг. показал стабильную динамику роста и за указанный период вырос на 60%.

17 мая 2018 г. в рамках XI Астанинского экономического форума было подписано временное торговое соглашение между ЕАЭС и Ираном с ограниченным уровнем либерализации сроком на три года (вступило в силу 27 октября 2019 г.).

В рамках соглашения стороны договорились снизить импортные пошлины на товарные категории, составляющие 50% объема взаимной торговли, а также соблюдать основополагающие принципы ВТО. Настоящее соглашение включает 862 кода товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД): 502 кода с «евразийской» стороны и 360 кодов – с иранской.

По истечению срока данного соглашения предполагается заключить между сторонами новое полноформатное соглашение о ЗСТ. [21] Несмотря на то, что Иран относится к числу традиционных партнёров России, поскольку он не является членом ВТО, то это осложняет подписание договора о создании ЗСТ в «классическом» виде. При этом товарооборот с Ираном весьма незначительный и имеет динамику спада, что очевидно связано с международными санкциями по отношению к Ирану.

1 октября 2019 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета, который проходил в г. Ереван (Армения) было подписано соглашение о ЗСТ между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны и Республикой Сингапур, с другой стороны. [22]

Подписанное соглашение, по сути – пакет документов, предусматривающий формирование Рамочного соглашения о комплексном сотрудничестве и ряда соглашений, включающих меры по открытию рынков. Обязательства государств-членов ЕАЭС подразумевают единый режим торговли товарами в отношении третьих стран и координацию в торговле услугами. В соответствии с этим, одновременно было заключено соглашение о формировании ЗСТ в части торговли товарами между Сингапуром, ЕАЭС и государствами-членами Союза. Соглашения о торговле услугами и инвестициям будут заключены на двустороннем уровне. В настоящее время такое соглашение подписано только с Республикой Арменией. [23]

Стоит отметить, что в силу высокой конкурентоспособности сферы услуг, которая является основой сингапурской экономики, выгоды для ЕАЭС, где этот сектор не получил должного развития, от сотрудничества могут оказаться переоцененными и ограниченными, что требует дополнительной проработки реализации потенциала Союза в этой сфере.

В настоящее время, на разных уровнях договоренности находятся переговоры по торгово-экономическому сотрудничеству с Израилем, Египтом и Индией. [24] С Египтом проведено три раунда переговоров, четвертый раунд намечен к проведению в первой половине 2020 г. Первая встреча переговорных делегаций ЕАЭС и Израиля состоялась в ноябре 2016 г. и с тех пор было проведено пять раундов переговоров. Шестой раунд переговоров был намечен к проведению в марте 2020 г., однако в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией переговоры были перенесены.

Официальные переговоры с Индией в формате технических консультаций состоялись в январе 2018 г. В соответствии с достигнутыми договоренностями, ЕАЭС были подготовлены и представлены на рассмотрение партнеров из Индии первоначальные предложения по проекту соглашения. Однако сроки проведения первого раунда переговоров не определены.

Резюмируя вышесказанное важно отметить, что объединенная Азия потенциально может стать фактором экономического подъема России и других государств-членов ЕАЭС. Российские востоковеды (Васильев Л.Е., 2010; [25] Локшин Г.М., 2007 [26]) всегда утверждали, что «России во многом благоприятствует то обстоятельство, что в общественном сознании большинства стран Азии доминирует благожелательное отношение и доверие к ней в отличие от сохраняющихся сомнений и даже подозрений к истинным намерениям США и других стран Запада». Таким образом, успех сотрудничества будет зависеть от усилий России, поднять экономическое сотрудничество на уже достаточно высокий уровень политического диалога как в рамках АТЭС, так и на других региональных диалоговых площадках.

4. Возможности и риски развития российско-британских торгово-экономических отношений после Брекзита

4.1 Предпосылки и состояние двусторонних экономических связей

В условиях Брекзита Великобритания выходит из сферы действия единой торговой политики ЕС и приступила к формированию суверенной внешнеэкономической стратегии. Это предусматривает частичную географическую переориентацию приоритетов в выборе партнеров в связи с пересмотром традиционных связей с государствами ЕС, поиск новых рынков сбыта и стран-поставщиков.

В перспективе Соединенное Королевство может стать одним из лидеров многосторонней торговой системы, что требует внимательного отношения к этой стране. В этой связи, несмотря на взаимные торгово-политические санкции, как представляется, возникают новые возможности для развития и диверсификации российско-британских торгово-экономических отношений. Хотя существуют и традиционные риски усиления политического противостояния двух стран.

Исторически Великобритания является традиционным и достаточно значимым партнером России в торгово-экономической и инвестиционной сфере. Спецификой этих отношений является практически перманентное политическое и идеологическое противостояние двух сторон на межгосударственном уровне. Как результат, почти за 370 лет дипломатические отношения между странами неоднократно приостанавливались или разрывались.

Российско-британские торговые связи ведут свое начало с середины XVI века, когда первые английские купцы прибыли в Москву и даже получили от Ивана Грозного исключительные права на взаимную торговлю. В последующий период коммерческие отношения, несмотря на серьезные политические конфликты между двумя государствами, поступательно развивались. К концу существования Российской империи Великобритания занимала второе место как во внешней торговле страны (после Германии), так и в области притока зарубежных капиталов (после Франции). [27]

Показательно, что даже в условиях идеологического противостояния, Великобритания первой среди крупных держав мира подписала в 1921 г. Торговое соглашение с Советской Россией, что означало прорыв экономической блокады страны, хотя дипломатические отношения были установлены тремя годами позже. В течение всего советского периода Великобритания была одним из ведущих партнеров СССР среди капиталистических государств, демонстрируя умение совмещать свои политические принципы и коммерческие интересы.

В последние четверть века Российская Федерация и Соединенное Королевство последовательно развивали торговые и инвестиционные связи. Однако с 2014 г. в связи с геополитическими событиями и введением взаимных санкций масштабы экономического взаимодействия начали снижаться. Кроме того, британская сторона по политическим мотивам «заморозила» свое участие в деятельности Межправительственного российско-британского комитета по торговле и инвестициям (МКТИ), как и другие контакты на межгосударственном уровне. В связи с «делом Скрипалей» с 2018 г. политико-дипломатические отношения между двумя странами еще больше усугубились.

Так, в условиях взаимных санкций двусторонний товарооборот стал уменьшаться, и Великобритания заняла только 15-е место в списке контрагентов России в 2018 г. Вместе с тем, в последние два года (на фоне общего падения товарооборота России) объем двусторонней торговли начал заметно расти благодаря значительному увеличению отечественного экспорта. В 2019 г. Соединенное Королевство поднялось на 12-ю позицию, а по итогам первого полугодия 2020 г. – даже достигло шестого места в списке торговых партнеров страны и четвертой позиции по экспорту. При этом импорт из Великобритании в последние годы продолжает стагнировать – только 17-е место (см. таблицу 4).

Таблица 4 – Торговля товарами между Россией и Великобританией в 2013-2020 гг., млн.долл.

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	январь-июнь 2020 г.
Оборот	24555,6	19282,9	11196,8	10376,4	12737,1	13767,8	17296,8	10193,9
Экспорт	16449,2	11473,8	7474,5	6943,6	8689,2	9705,6	13260,5	8668,0
Импорт	8106,4	7809,1	3722,3	3432,8	4047,9	4062,2	4036,3	1525,9
Сальдо	8342,8	3664,7	3752,2	3510,8	4641,3	5643,4	9224,2	7142,2

Примечание – Источник: ФТС России

Такой неординарный рост торговли обусловлен практически одним фактором – увеличился стоимостный и физический объем экспорта золота из России. Так только за первое полугодие 2020 г. вывоз этого драгметалла (ТН ВЭД 7108) в Великобританию возрос в 9,2 раза – на 7,2 млрд. долл., а в натуральном выражении поставки увеличились в 9,1 раза – до 85 тонн. Конъюнктурный рост цен на этот драгоценный металл в мире обусловлен нынешним экономическим кризисом, когда золото успешно выполняет функции страховки бизнеса и сбережений в условиях нестабильности. Естественно, что Лондон как мировой финансовый центр стал активно скупать золото.

Согласно зеркальной – британской – статистике Россия в 2019 г. занимала 20-е место в списке торговых партнеров страны (20 млрд. долл.). По итогам первого полугодия 2020 г. Российская Федерация стала восьмым по значимости поставщиком товаров на местный

рынок с долей 3,3%, которая возросла в два раза по сравнению с 2018 г. Однако удельный вес страны в британском вывозе составила всего 0,7% (28-е место). [28]

При этом товарная структура взаимной торговли слабо диверсифицирована и практически неизменна. В последние годы основу российского экспорта (более 90%) традиционно составляют нефтепродукты, драгоценные металлы и химическая продукция. В импорте доминируют машины и оборудование – почти половина ввоза, товары химической промышленности составляют примерно треть и около 10% – продовольствие.

Несмотря на падение после 2014 г. объемов торговли услугами, Великобритания стала четвертым по значимости контрагентом России в прошлом году и третьим (после Турции и Германии) поставщиком услуг на отечественный рынок (см. таблицу 5). Такая ситуация обусловлена значительным потенциалом Великобритании в данной области торговли, особенно финансовых и наукоемких услуг, где позиции страны традиционно сильны. В свою очередь, британский рынок является пятым по значимости для российских поставщиков услуг (за счет транспортных, финансовых и ИТ-услуг).

Таблица 5 – Торговля услугами между Россией и Великобританией в 2013-2020 гг., млн.долл.

	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	1 кв. 2020 г.
Оборот	11 683,8	10 784,1	8 427,3	6 807,5	7 293,4	7 484,0	8 091,1	638,7
Экспорт	4 873,6	4 534,4	3 198,2	2 810,8	2 967,0	3 217,0	3 008,9	238,6
Импорт	6 810,2	6 249,7	5 229,1	3 996,7	4 326,4	4 267,0	5 082,2	400,2
Сальдо	-1 936,6	-1 715,3	-2 030,9	-1 185,9	- 1 359,4	-1050	-2 073,4	-161,6

Примечание – Источник: Банк России

Исторически в двусторонних отношениях характерно преобладание масштабов инвестиционных связей над торговыми, что обусловлено, в частности, наличием мирового финансовым центра в Лондоне и относительно низкой продуктовой диверсификацией товарооборота. Несмотря на санкции, по объемам накопленных инвестиций в России (32,8 млрд. долл.) Великобритания в 2019 г. заняла четвертое место (против 11-й позиция в 2014 г.). Почти 9 млрд. долл. в форме ПИИ поступило в прошлом году из Соединенного Королевства (это третий показатель после Кипра и Нидерландов).

Пять крупных корпораций с британским капиталом – «АстраЗенека», «Бритиш Петролеум», «Бритиш Америкэн Табако», «Ройял Датч Шелл» и «Юнилевер» – в 2019 г. входили в Консультативный совет по иностранным инвестициям при Правительстве Российской Федерации.

Великобритания занимает особое место в движении российских капиталов за рубежом, и по масштабам накопленных там инвестиций (19 млрд. долл.) находится на шестом месте. Кроме того, в 2019 г. отток прямых инвестиций из России в Соединенное

Королевство составил 2,5 млрд. долл. (третье место после Кипра и Нидерландов). При этом такое активное капиталодвижение между двумя странами обусловлено не столько вложениями в конкретные проекты, сколько инвестиционной стратегией крупных компаний, направленной на обеспечение своей международной деятельности в различных формах (см. таблицу 6). [29]

Таблица 6 – Динамика движения взаимных инвестиций России и Великобритании в 2013-2019 гг. (млн.долл.)

Прямые поступившие (сальдо операций)	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
из Великобритании Россию	18 927	120	1 112	478	2 076	2 511	8 820
из России в Великобританию	1 358	6 927	203	1 433	2 281	794	2 529
Прямые накопленные	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
из Великобритании в Россию	21 759	7 248	8 659	11 451	18 638	14 916	32 772
из России в Великобританию	7 901	8 140	7 695	8 687	9 091	7 634	18 973

Примечание – Источник: Банк России

4.2 Перспективы и ограничения развития российско-британских торгово-экономических связей

Несмотря на существующие проблемы, как представляется, в настоящее время складывается комплекс благоприятных условий для расширения российско-британских торгово-экономических и инвестиционно-технологических связей, учитывая заинтересованность отечественного бизнеса и прагматизм британских деловых кругов.

Так, с 2021 г. Великобритания снимет часть торговых ограничений, которые ранее применялись под эгидой ЕС, в отношении, прежде всего, Китая, а также России и Индии. В частности, британские власти упразднят антидемпинговые (АД) пошлины на шесть товарных позиций из России: алюминиевая фольга; ферросилиций; трубы бесшовные; фитинги для труб из черных металлов; мочевины и нитрат аммония.

Однако останутся в силе АД-пошлины по пяти товарным позициям: аммиачная селитра; сварные трубы из железа или нелегированной стали; а также трех категорий плоского проката – холоднокатаного, из кремнистой электротехнической стали, из железа, нелегированной или другой легированной стали. [30]

Таким образом, создаются определенные условия для возвращения отечественных металлургов и производителей удобрений на британский рынок. Также надо принимать во внимание новый более либеральный и упрощенный (по сравнению с Единым внутренним тарифом ЕС) импортный режим Соединенного Королевства, и возможное смягчение

других ограничений для доступа российских поставщиков на британский рынок, что будет стимулировать экспорт традиционной продукции и несырьевых товаров.

В новых условиях вполне вероятно расширение взаимной торговли услугами (увеличение объемов и диверсификация охваченных секторов). Великобритания – второй поставщик (после США) коммерческих услуг в мире и обладает огромным потенциалом в данной сфере. В свою очередь, эта страна – значимый рынок для российских поставщиков. В этой связи возможен рост взаимных поставок услуг как по традиционным секторам (финансовый, транспортный, поездки), так и новым сферам (научные и деловые услуги, информационные технологии и др.).

В ближайшее время Великобритания выработает общую позицию по взаимодействию с разными странами и группировками мира. В числе приоритетов – подписание в сжатые сроки серии соглашений по свободной торговле с ведущими партнерами вне еврозоны (Япония, США, Австралия и др.) и возможное присоединение к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению по транстихоокеанскому партнерству (СРТПР). Такой подход в целом отражает стремление Соединенного Королевства увеличить долю беспошлинной торговли в товарообороте страны до 80% в 2022 г. В перспективе Великобритания может стать одним из влиятельных участников многосторонней торговой системы.

Однако пока не определена даже в общем виде британская позиция по будущим экономическим отношениям с Россией и большинством других стран постсоветского пространства. В частности, речь может идти о совершенствовании договорно-правовых основ двустороннего взаимодействия и их адаптации современным реалиям. Великобритания уже подписала ряд т.н. углубленных торговых соглашений с разными странами мира, но с Россией существуют только типовые соглашения, некоторые из которых заключены еще в период СССР. Но эти проекты должны быть реалистичны, например, предложение о создании ЗСТ Великобритания – ЕАЭС представляется явно преждевременным.

При отсутствии прямых контактов на межгосударственном уровне, большое значение имеет активный диалог бизнеса двух стран. Главный интерес представляет обсуждение ключевой темы в российско-британских экономических отношениях – направлений взаимодействия после окончательного выхода Великобритании из Евросоюза. Здесь имеются привлекательные, хотя и достаточно туманные перспективы, однако действовать надо быстро, т.к. потенциальные ниши для отечественного бизнеса могут быть заняты конкурентами из других государств.

Следует подчеркнуть, что речь идет, прежде всего, о частном секторе России. Необходимо принимать во внимание, что большинство российских госбанков, часть госкомпаний, их руководителей и ряд предпринимателей находятся под точечными или секторальными европейскими санкциями. Более того, Великобритания сейчас готовит свой список стран с «нерыночной экономикой», что предусматривает возможное применение особых ограничительных мер в отношении компаний с государственным участием (SOE), если их деятельность не соответствует критериям рыночной экономики.

В частности, имеется определенный потенциал для инвестиционного взаимодействия деловых кругов двух стран. Британский бизнес после Брекзита испытывает временный дефицит крупных проектов. Возможно расширение контактов в традиционных сферах – добывающей промышленности и производстве потребительских товаров. Кроме того, Россия, как и Великобритания, имеют развитой и пока не зарегулированный финтех-сектор, а сравнительно высокий уровень цифровизации, что делает сотрудничество в этих областях перспективным.

Дополнительным фактором, стимулирующим развитие российско-британских отношений в различных сферах, является наличие в Великобритании русской диаспоры (как минимум, 40-60 тыс. человек там проживают постоянно). Помимо опальных олигархов и политэмигрантов здесь представлены солидные деловые круги из России, которые прямо или косвенно заинтересованы в расширении разных контактов между двумя странами. Наличие влиятельного бизнес-сообщества в Великобритании может стать фактором лоббирования и продвижения взаимных интересов сторон.

Так в 2020 г. трое россиян – А.Усманов, М.Фридман и Р.Абрамович вновь вошли в двадцатку богатейших жителей Великобритании согласно рейтингу британской газеты Sunday Times. Состояние А.Усманова оценивается в 11,7 млрд. ф.ст. – седьмое место в данном рейтинге. Он крупнейший бенефициар USM Holdings, который, в частности, контролирует Металлоинвест, Мегафон и долю в Mail.Ru Group. Основатель «Альфа-групп» и владелец компании L1 М. Фридман – на 11-й строчке рейтинга, его активы – 10,2 млрд. ф. ст. Собственник инвесткомпании Millhouse и основной акционер Evraz Р. Абрамович – занял 12-ю позицию (10,1 млрд. ф. ст.). [31] В Лондоне также живут другие известные отечественные предприниматели и банкиры.

По некоторым оценкам, обосновавшиеся в Великобритании крупные российские бизнесмены держат на счетах в общей сложности 1,5-2 трлн. долл. По данным Deutsche Bank, в 2010-2017 гг. в британские банки были переведены десятки миллиардов долларов «серых» капиталов из России. Причем в последние десять лет скорость прироста

российских активов в Великобритании составляла 1,5 млрд. долл. в месяц, значительная часть из которых оседала на рынке недвижимости.

На этом фоне следует ожидать усиления борьбы в Великобритании с капиталами сомнительного происхождения, в частности более активного использования соответствующих судебных приказов (Unexplained Wealth Orders). Такие меры не направлены конкретно против России, задача правоохранителей – убедиться, что Лондон остается мировым финансовым центром, куда поступает капитал, полученный добросовестным путем, соответствующим как британским, так и международным правилам. Вместе с тем, ряд российских бизнесменов уже покинули Великобританию под давлением происходящих финансовых расследований.

Власти Великобритании опасаются ослабления влияния финансового центра в Лондоне после Брекзита, поэтому заинтересованы в сохранении роли хаба для перетока финансовых ресурсов из России и постсоветского пространства на пути в Европу и мир в целом. Ценные бумаги почти всех крупных российских компаний торгуются именно на Лондонской фондовой бирже (LSE), которая содействует притоку капитала в Россию. Кроме того, Лондонская биржа металлов (LME) и площадки по продаже других сырьевых товаров традиционно играют важную роль для российских предпринимателей.

Одним из главных сдерживающих моментов в развитии межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Великобританией являются взаимные, хотя и асимметричные по степени воздействия, торгово-политические санкции. Это создает неблагоприятный фон для расширения двусторонних торгово-экономических связей. Великобритания применяет санкции не только на национальном уровне, но и пока в рамках законодательства ЕС (*acquis communautaire*).

Соединенное Королевство вряд ли откажется от этих санкций после полного выхода из Евросоюза, т.к. они базируются на общеевропейских ценностях. Более того, возможно принятие новых санкций исходя из самостоятельного курса британской внешней политики. Так, в июле 2020 г. в Великобритании был опубликован собственный «список Магницкого», в который уже включены российские граждане – им запрещен въезд в Королевство, а их активы подлежат конфискации.

При этом необходимо принимать во внимание не только прямые санкции, но и вторичные, которые касаются британских компаний. Так, в марте 2020 г. власти Великобритании выписали два штрафа на общую сумму £20,5 млн. Standard Chartered Bank за то, что он неоднократно кредитовал турецкий DenizBank, который в то время был «дочкой» Сбербанка и попал под европейские санкции. Это крупнейший штраф за нарушение санкций в отношении России, как в ЕС, так и в США.

Британский регулятор, который контролирует соблюдение санкционного режима – Office of Financial Sanctions Implementation (OFSI) подчеркнул, что Standard Chartered знал о том, что должен был прекратить финансовые сделки с DenizBank. [32] Санкции ЕС запрещают кредитование российских госбанков на срок более 30 дней, но требования не распространяются только на европейские «дочки» госбанков, а DenizBank не подпадает под эту категорию, что было признано серьезным нарушением.

В условиях санкционного давления в июле 2019 г. Сбербанк продал DenizBank дубайскому Emirates NBD, которому теперь принадлежит 99,85% этого банка. Общий денежный поток Сбербанка от сделки составил примерно 5 млрд. долл., что оказалось меньше суммы его покупки и вложенных инвестиций за время владения DenizBank.

В этой связи Посол Соединенного Королевства в Российской Федерации Д.Броннерт отмечает, что России не следует ожидать ощутимых политических перемен в отношениях с Великобританией после Брексита. Межгосударственные отношения на двустороннем уровне весьма напряженные, а взаимные торгово-политические санкции вряд ли будут отменены в обозримом будущем.

Но по многим глобальным проблемам и вызовам, по крайней мере, стратегические интересы двух стран как мировых держав пересекаются, поэтому необходимо поддерживать диалог в различных сферах. В данных условиях укрепление экономических контактов при условии соблюдения санкций – позитивный знак для бизнеса. Вместе с тем, российским властям необходимо улучшать бизнес-климат в стране для привлечения иностранных компаний, а также увеличения темпов экономического роста. [33]

Однако несмотря на традиционный скептицизм и массу сопутствующих проблем, следует отказаться от традиционных стереотипов и предпринять усилия для развития российско-британских отношений. Это проверка реакции торговой политики страны и возможностей для ее внешнеэкономического комплекса на новые вызовы, что позволит оценить гибкость и результативность экономической дипломатии России в современных условиях.

Кроме того, заинтересованным российским госструктурам следует изучать процесс выработки национальной внешнеэкономической стратегии Великобритании, ее тактические и стратегические приоритеты, основные инструменты и механизмы их реализации, а также систему подготовки кадров. Такой анализ позволит сделать обоснованные выводы в отношении возможностей развития двусторонних отношений, а также поможет сформировать понимание новых тенденций развития многосторонней торговой системы на современном этапе и роли Российской Федерации в этом процессе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общепризнанным уже является тезис о том, что мир не будет прежним после окончания пандемии, в том числе это касается и системы международных экономических отношений. Необходимо подчеркнуть, что сейчас происходит нетипичный экономический кризис, традиционно порожденный какими-то глобальными диспропорциями. Но это кризис, в первую очередь, связанный с действиями государственных структур, которые в условиях пандемии ограничили деятельность целых секторов экономики. Кроме того, современный кризис обостряет накопившиеся ранее проблемы на глобальном и национальном уровнях и создает высокую степень неопределенности прогнозов.

Поэтому на данном этапе трудно прогнозировать (в связи с недостатком информации, оперативной и достоверной статистики) точные и конкретные изменения. Такая ситуация также обусловлена еще непознанными и неочевидными закономерностями новой фазы современной экономики и непредсказуемостью иррационального поведения человека в этих условиях. Новые изменения могут происходить в разных формах, но, прежде всего, проявляться в тех сферах, где накапливались проблемы или стимулы для модификации еще до кризиса.

Пандемия в данном случае стала триггером, но не основным фактором кризиса. Одна из ключевых причин – в мире накопилось много проблем и обязательств – экономических, финансовых, социальных, политических, разрешить которые практически стало невозможно. Только когда глобальная экономика будет открыта, можно будет проводить сравнения, анализировать динамику и тренды, делать точные прогнозы и судить о последствиях, а также определить, насколько этот кризис был серьезен.

Ожидается, что уже в следующем году при отсутствии второй волны коронавируса экономический рост резко возобновится. В итоге за счет разных стратегий выхода из данного кризиса и наличия эффективных ресурсов ряд государств могут усилить свои позиции в системе международных экономических отношений. Необходимо принимать во внимание, что основные конкуренты России на внешних рынках за счет финансовых ресурсов, имеют совершенно иные масштабы и возможности повышения своей конкурентоспособности, чем большинство остальных стран мира.

Как представляется, ожидать кардинальных перемен пока не следует: как показывает мировая практика, для фундаментальных изменений в глобальной экономике в целом требуются долгие годы, иногда десятилетия. Пока можно отметить лишь некоторые прогнозируемые тренды, которые будет проходить поэтапно, касающиеся, прежде всего, возможных процессов регионализации, прежде всего, связанных с пересмотром структуры существовавших глобальных цепочек создания добавленной стоимости.

Предполагается, что в целях повышения устойчивости (безопасности) и предсказуемости количество звеньев в этих производственных цепочках будет сокращаться, и в них будет расти доля национального компонента даже за счет дополнительных издержек, прежде всего, на более дорогую рабочую силу.

Вполне очевидно, что в 2020 г. вследствие стагнации большинства отраслей и секторов экономики в силу карантинных мероприятий мировое хозяйство ожидает самый глубокий спад с 2008 г. в диапазоне 5%, причем на страновом и региональных уровнях это сокращение может быть даже большим. При этом Китай и ряд соседних стран региона – Тайвань и Ю.Корея к концу этого года показывают положительную динамику роста.

Еще более глубокое падение ожидалось в международной торговле, что обусловлено сокращением глобального спроса и введенными ограничительными мерами. По первоначальному прогнозу ВТО весной этого года падение глобального товарооборота в 2020 г. могло составить 13-32% в зависимости от степени глубины кризиса. Однако уже осенью сокращение мировой торговли оценивалось уже в 8-10%.

Вместе с тем, восстановление экономики в большинстве стран мира предполагается достаточно быстрым – в течение 2021-2022 гг. Наиболее уязвимыми останутся сектора, прямо или косвенно связанные с «индустрией гостеприимства»: туристический бизнес, гостиничное хозяйство, транспортные перевозки и пр. Среди точек роста выделяют новые сегменты информационно-коммуникационной сферы и искусственного интеллекта, отдельных отраслей современной медицины, получивших импульс развития в период коронавируса, а также ряд других секторов.

Особо необходимо выделить проблему будущих экономических отношений развитых стран с Китаем, который для многих был «фабрикой мира», и что самое главное – китайские мощности были задействованы во множестве глобальных цепочек добавленной стоимости, и КНР являлась основным поставщиком промежуточных товаров для этой группы стран.

Ситуация с развитием коронавируса и сокрытием данных в этой сфере в Китае, по мнению экспертов, привела к массированным социальным и экономическим потерям, а также кризису доверия со стороны основных партнеров КНР, прежде всего, США. На это накладываются проблемы взаимоотношений предыдущего периода: трудности доступа на китайский рынок, активная экспансия Китая в мире, а также последствия торгового конфликта США и КНР, которые затронули и другие государства мира.

При этом следует уделить особое внимание неэкономическим категориям – «доверие» и связанное с ним «предсказуемость» в международных экономических отношениях, которым в российской специальной литературе уделяется достаточно мало

внимания. Напротив, в современной мировой практике – это основополагающие элементы взаимодействия на международном уровне. В частности, доверие трактуется как источник создания стоимости и фактор снижения уровня неопределенности в экономических взаимоотношениях в целом.

Предполагается, что в посткоронавирусную эпоху многие транснациональные компании, прежде всего США, пересмотрят географическую структуру своих производственных цепочек и сократят в них место и долю китайских производств. При этом ускоренное внедрение передовых инноваций и снижение транспортных расходов сможет частично нивелировать значимость фактора дешевой рабочей силы.

Такой тренд, как представляется, коснется в целом и всего комплекса торгово-экономических отношений развитых стран с Китаем, что может трансформировать в определенной степени и систему международных экономических отношений, сложившихся в последнее десятилетие, включая изменение направлений основных товарных потоков.

Российскую экономику, как ожидают большинство зарубежных и отечественных экономистов, ждет более длительный спад, что обусловлено накопленными проблемами и диспропорциями в предыдущий период, а также резким обрушением цен на нефть и сокращением спроса на энергоносители на мировых рынках (т.н. двойной шок для отечественной экономики).

Что касается потенциальной роли России в формировании новой модели мировой экономики, то здесь доминирует традиционный тезис экспертов об «открывающихся возможностях» для обновления позиционирования страны в международном хозяйстве после нынешнего кризиса. Однако, как представляется, ситуация здесь выглядит не столь оптимистичной и дополняется известными системными проблемами энергосырьевого экспорта страны, которые комплексно влияют на развитие экономики страны.

Во-первых, участие России в формировании новых структур цепочек добавленной стоимости ограничено ее исходными позициями как поставщика сырья в мировой экономике, а также проводимой в последние годы политикой фактической самоизоляции.

Во-вторых, возможности модернизации для России в каком-либо виде затруднено лимитируемым доступом к современным зарубежным технологиям и передовому управленческому опыту, а также рынку мировых капиталов в силу сохраняющихся торгово-политических санкций.

В-третьих, как представляется, российское руководство, вряд ли, будет инициировать проведение каких-либо реформ (хотя возможен вариант их имитации), а скорее всего, будет стремиться восстановить потенциал прежнего внешнеэкономического

комплекса (и такие попытки уже предпринимаются), основанного на экспорте энергетических и других сырьевых ресурсов, и ориентации на традиционных партнеров, в том числе Китай.

Так, в «Общенациональном плане действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения» содержатся не так много мер, касающихся внешнеэкономической деятельности. Как представляется, данный план нацелен на реставрацию прежней модели экономики, включая поддержку крупных энергосырьевых компаний. Кроме того, в основном эти меры затрагивают различные аспекты импортозамещения, в том числе в сфере госзакупок. В этих условиях государственная политика протекционизма выглядит скорее системной, чем антикризисной мерой.

Несмотря на сказанное выше, все же остается шанс на позитивные изменения в случае, если в России будут учтены ошибки выхода из прошлых кризисов, приняты решения, хотя бы о частичном реформировании экономики и внешнеэкономической сферы, смене устаревших приоритетов. При этом отказ от политики самоизоляции является критически важным моментом. Но такой вариант может быть обусловлен скорее влиянием геополитических или геоэкономических факторов, нежели прагматизмом внутриэкономического характера.

Указанные выше тренды глобального и национального характера, как представляется, уже в краткосрочной перспективе будут влиять на трансформацию многосторонней торговой системы, тенденции развития внешнеэкономического комплекса страны, а также возможности и риски участия России в процессе реформирования МТС.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2019 году. (Доклад) // Минэкономразвития России: [2019]. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf>. (дата обращения: 10.сентября.2020).
- 2 Баландина Г.В., Воловик Н.П., Макаров А.И., Пахомов А.А., Приходько С.В. Поддержка инновационной деятельности: внешнеэкономический аспект // ИЭП им. Е.Т.Гайдара: [2012]. – URL: https://www.iep.ru/files/text/innov_econ/makarov.pdf. (дата обращения: 10.октября.2020).
- 3 Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Прока К.А. Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал НЭА: [2019]. – URL: <http://www.econorus.org/repec/journal/2019-43-152-162r.pdf>. (дата обращения: 30.октября.2020).
- 4 Миркин Я. Почему российская экономика растет так медленно // Ведомости: [2020]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/16/834679-rossiiskaya-ekonomika>. (дата обращения: 10.сентября.2020).
- 5 Пахомов А.А. Тарифные переговоры в рамках процесса присоединения России к ВТО // Научная электронная библиотека «eLibrary»: [2000]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23823530>. (дата обращения: 25.мая.2019).
- 6 Мовчан А., Митров А. Проклятые экономики // ООО «Издательство АСТ»: [2020]. – URL: <https://ast.ru/book/proklyaty-e-ekonomiki-837367/>. (дата обращения: 10.октября.2020).
- 7 Пахомов А.А., Макаров А.И. Роль внешнеэкономического фактора в инновационном развитии страны // Экономическое развитие России: [2012]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18106958_96773812.pdf. (дата обращения: 09.октября.2019).
- 8 Панкин А.: отказ от доллара не должен повлечь рост трат россиян // РИА новости: [2020]. – URL: <https://ria.ru/20200210/1564409223.html>. (дата обращения: 10.сентября.2020).
- 9 Кофнер Ю. Спасение в интеграции: как снизить влияние доллара в торговле стран ЕАЭС // Sputnik: [2020]. – URL: <https://sptnkne.ws/DWJE>. (дата обращения: 10.сентября.2020).
- 10 Кузнецов А., Иванова К. Дедолларизация в странах ЕАЭС: основные тенденции и перспективы // «Валдай» - международный дискуссионный клуб: [2018]. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22108/>. (дата обращения: 10.сентября.2020).

11 Багдасарян К.М. Критический анализ работ отечественных исследователей, посвященных экономическим санкциям против России и ответным мерам // Журнал «Экономическое развитие России»: [2020]. – URL: http://edrussia.ru/images/pdf/2020/02/red_0220_Bagdasaryan.pdf. (дата обращения: 30.октября.2020).

12 Валютная структура расчетов за поставки товаров и оказание услуг по внешнеторговым договорам // Банк России: [2020]. – URL: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/cur_str.xlsx. (дата обращения: 10.октября.2020).

13 Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. Как создать международные деньги нового качества // Эксперт ONLINE: [2020]. – URL: <https://expert.ru/2020/09/30/kak-sozdat-mezhdunarodnyie-dengi-novogo-kachestva/>. (дата обращения: 10.октября.2020).

14 Economic Complexity Legacy Rankings (ECI) // The Observatory of Economic Complexity: [2017]. – URL: https://oec.world/en/rankings/legacy_eci. (Дата обращения: 10.октября.2020).

15 Пахомов А.А. Конкурентоспособность российской экономики и отечественных компаний в глобальном измерении: внешнеэкономический аспект // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика: [2011]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16539548_23072030.pdf. (дата обращения: 10.октября.2019).

16 Пахомов А.А., Багдасарян К.М. Современные тенденции глобального движения инвестиций и позиции России в этом процессе // Экономическое развитие России: [2019]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39254052_80327279.pdf. (дата обращения: 9.октября.2019).

17 Багдасарян К.М. Азиатский вектор интеграционной повестки Евразийского экономического союза // SSRN: [2018]. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3315212>. (дата обращения: 23.октября.2019).

18 Распоряжение Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) №16 от 27 октября 2016 г. // Правовой портал Евразийского экономического союза: [2016]. – URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments.aspx#>. (дата обращения: 10.июня.2020).

19 Багдасарян К.М., Пахомов А.А. Возможности сближения между Евразийским экономическим союзом и Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии // Вестник университета: [2017]. – URL: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2017-11-105-114>. (дата обращения: 23.октября.2019).

20 Внешняя торговля с третьими странами (географическое распределение) // Евразийская экономическая комиссия: [2020]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/s/2019/12.aspx. (дата обращения: 10.июня.2019).

21 Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном // Евразийская экономическая комиссия: [2018]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx>. (дата обращения: 10.июня.2020).

22 Соглашение о свободной торговле с Республикой Сингапур // Евразийская экономическая комиссия: [2019]. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашение-с-Сингапуром.aspx>. (дата обращения: 10.июня.2020).

23 Armenia - Singapore Agreement on Trade in Services and Investment // UNCTAD Investment policy hub: [2019]. – URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/4906/armenia---singapore-agreement-on-trade-in-services-and-investment-2019->. (Дата обращения: 10.октября.2020).

24 Проводимые переговоры по заключению соглашений о свободной торговле между ЕАЭС и третьими странами // Евразийская экономическая комиссия: [2020]. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Проводимые%20переговоры%20сст_сайт.pdf. (дата обращения: 10.июня.2020).

25 Кобелев Е.В., Локшин Г.М., Воронин А.С., Мазырин В.М., Козлов А.А., Сенин Р.А., Васильев Л.Е. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы // Институт Дальнего Востока РАН: [2010]. – URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/ASEAN211.pdf. (дата обращения: 30.октября.2020).

26 Локшин Г.М. 40 лет Ассоциации государств Юго-Восточной Азии // eLibrary: [2007]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13051794>. (дата обращения: 30.октября.2020).

27 Пахомов А.А. Торговые партнёры России: 100 лет спустя // ИЭП им. Е.Т.Гайдара: [2014]. – URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/ruserr/148Pakhomov.pdf>. (дата обращения: 21.октября.2019).

28 Plouffe M. Will the UK really join the CPTPP free-trade bloc in Asia-Pacific? // The Conversation Trust (UK) Limited: [2020]. – URL: <https://theconversation.com/will-the-uk-really-join-the-cptpp-free-trade-bloc-in-asia-pacific-146376>. (дата обращения: 20.сентября.2020).

29 Воловик Н.П., Пахомов А.А. Российские прямые инвестиции за рубежом: основные тенденции и последствия для национальной экономики // Учебное пособие. ИЭП

им. Е.Т.Гайдара: [2008]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27605284>. (дата обращения: 11.октября.2019).

30 Trade remedies transition policy // UK government: [2020]. – URL: <https://www.gov.uk/guidance/trade-remedies-transition-policy>. (дата обращения: 20.сентября.2020).

31 The Rich List 2020 // The Times: [2020]. – URL: <https://www.thetimes.co.uk/sunday-times-rich-list>. (дата обращения: 20.сентября.2020).

32 Ткачёв И., Демурина Г., Чернышова Е. Британия оштрафовала местный банк за нарушение санкций против Сбербанка // РБК: [2020]. – URL: <https://www.rbc.ru/finances/31/03/2020/5e8320319a794742de42d84a>. (дата обращения: 20.сентября.2020).

33 «Можно говорить об определенной стабилизации в наших отношениях». Посол Великобритании в РФ Дебора Броннерт о двусторонних отношениях, перспективах сотрудничества и «деле Скрипалей» // Коммерсантъ: [2020]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4241443>. (дата обращения: 20.сентябрь.2020).